

18+

I. Земля. Мир Кодеи.

Стреходящая.
Пустошь.

ДЗРУ АСТАЛ

Аэру Астал

**І. Земля. Мир Кодеи.
Переходящая. Пустошь**

«Издательские решения»

Астал А.

І. Земля. Мир Кодеи. Переходящая. Пустошь / А. Астал —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696661-1

Её жизнь не была ни раем, ни адом. Она желала обрести семью, но потеряла её на своих глазах, а потом обрела вновь. Она стала сильнее, рассудительней, взрослей, но в душе она всё так же осталась ребёнком. Всё, чего она хочет — это покой...

ISBN 978-5-00-696661-1

© Астал А.
© Издательские решения

Содержание

Предсмертие	6
2469—2470гг (4—5 лет)	6
2472г (7 лет)	8
2475 г (10 лет)	12
2475г (10 лет и 6 месяцев)	16
2480г (15 лет)	20
2483г (18 лет)	23
2486—2487гг (21—22 год)	27
2489—2490гг (24—25) лет	34
2490—2491гг (25—26 лет)	39
2491—2492гг (26—27 лет)	44
Посмертие	48
7—10 июня 2103 г	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

I. Земля. Мир Кодеи Переходящая. Пустошь

Аэру Астал

Дизайнер обложки Диана Давтян

© Аэру Астал, 2026

© Диана Давтян, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-6661-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0069-6662-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предсмертие

2469—2470гг (4—5 лет)

Асталисия Астал

Я не очень хорошо помню своё детство. Оно всегда проносится в голове яркими, но короткими кадрами кино с запоздалыми обрывками фраз. Наверное, мне было бы проще сказать, какие чувства я испытывала тогда, чем думать о чём-то конкретном. Хотя...

«Ты глупая! Как можно быть такой глупой? Моя мама сказала... Ты — сирота! Сироты — это дети, у которых нет родителей. А та тётя, что приходит за тобой, — няня! Няня — не мама! У тебя нет мамы и папы! Сирота. Сирота...»

Я не могу вспомнить лицо того мальчика. Или их было несколько? Неважно. Но эти простые, казалось бы, слова стали тем камнем, что разбили иллюзию моего маленького светлого мира. Он осыпался у меня под ноги, оставляя в крошечной тьме жестокой реальности, которая не имела ничего общего с моим мироощущением.

Как мне следовало себя вести? Что мне следовало делать? Или что я делала тогда? Наверное, что-то такое я подозревала, поэтому внутри меня была лишь пустота, с которой невозможно было справиться. Чувствовала ли я боль? Или разочарование? Обиду?

Женщина, которая ухаживала за мной всё детство, баловала сладостями, мазала коленки, вытирала слёзы и учила говорить. Она всегда была рядом, укрывала одеялом, давала лекарства, когда я чувствовала себя плохо.

На самом деле я не особо задавалась вопросом, кем приходится мне Настя, которая заботилась обо мне всё моё детство. Я не заостряла внимания на том, что не зову её как-то иначе, чем по имени, и для нас это было нормальным. Но слова мальчишек звучали оскорбительно и несправедливо.

Я бы забыла об этом. Но через пару дней мы отправились в Центр, где определяли процент становления сверхчеловеком. Там, прислушавшись к разговору около регистрационной стойки, я получила подтверждение, которое, в принципе, ни на что не повлияло в плане моего отношения к няне.

Чувствовала ли я себя одинокой или брошенной? Была ли я обижена на родителей? Или же пыталась понять их? Обвиняла?

Я хотела увидеть их, обнять, сказать, как скучаю, посмотреть на них хотя бы одним глазком, перебраться парой слов. Я ХОЧУ ЗА СТЕНУ.

— Кто мои родители? — я спросила об этом во время обеда, пока неохотно ковыряла кашу в тарелке.

Я хотела не обращать внимания на те слова, выкинуть их из головы. Но вопрос сам слетел с уст, заставив замереть на месте, словно совершила какую-то ужасную ошибку. Внутри всё неприятно переворачивается от страха, что всё развалится ещё раз.

— Так вот что тебя беспокоило, — она нарочито медленно ставит на стол свою тарелку, медленно присаживается на стул. — Я надеялась, ты спросишь как можно позже.

— Значит, они правы? — поднимаю голову на неё, рассматривая грустное выражение лица. — Ты не моя мама. Поэтому я называю тебя по имени.

— Я сейчас, — она поднимается со стула, уходит в другую комнату на несколько минут. Слышится шорох выдвигающихся ящиков, хлопки. — Нашла, — она заходит на кухню с уве-

систой книгой, книгой с картинками. — Тут фотографии твоих родителей. Где-то ещё есть видеофайлы.

Отец — британец, приехавший в Россию учиться в университете с уклоном на разработку военного оружия. Там встретил маму — русскую девушку, учившуюся на программиста. По официальной (последней) проверке, они относятся к классу «Люди», но, скорее всего, через десяток-другой лет смогут перейти в класс «Сверх». Это подтверждается моим более высоким процентом мутации.

Я помню, как Настя рассказывала мне о родителях. О том, как они оставляли меня у неё на руках из-за срочного вызова на задание. Как мама, София Астал, нервно ходила из комнаты в комнату, судорожно пытаясь рассказать и показать всё, что могло бы потребоваться Насте для моего воспитания. Как мой отец, Арчибальд Астал, нервно проверял записи и документы, связанные с наследованием дома, счетов и всяких юридических мелочей.

Какие-то обрывки, касающиеся истории их знакомства.

Уже в то время в стране было объявлено военное положение. Так что непонятно, как они умудрились не столько встретиться, сколько закрутить роман. Хочешь не хочешь, а задумаешься в какой-то момент, что он забыл в другой стране в военное время.

Эмигрант в военное время, на оружейную специализацию. А папа с секретом? Потому и сошлись? Мама следила за папой? Служебный роман? Тайная операция? Интрига.

Правду не узнать.

Но в итоге они стали хорошей командой, а окончив институт, — парой. На волне военной романтики отправились служить в одно подразделение. Оттуда — в тихий район. Простые рядовые. Оба дослужились до солидных званий. До «почётного» оставалось одно задание. Три раза «Ха!».

Конфликт с соседним государством набирал обороты. Как всегда, не разберёшь. Политика? Личный интерес? Третья сторона? Какие бесполезные размышления.

В любом случае, всё это сыграло свою немаловажную роль в моей жизни.

***

Моё желание оказаться за стенами безопасного города привело меня в кадетский корпус. Высокие показатели физической и психологической выносливости дали мне шанс попасть на продвинутый курс становления охотником. Основное направление — разведка. Однако готовили нас больше как универсалов.

Нас учили пользоваться огнестрельным и холодным оружием, ориентироваться на местности, охотиться, вычислять координаты, запоминать карту, составлять краткие отчёты, составлять шифры. Начальный курс механики. Наш класс был больше ориентирован на практическое применение знаний в полевых условиях.

В основном это было из-за того, что разведчики обладают хорошей памятью, и запомнить книгу за пару прочтений или после одной лекции не является проблемой. Теоретические занятия совмещались с практикой, что изрядно сокращало время обучения и позволяло обратить внимание на что-то другое.

Хотя... Лучшим учеником на курсе я не стала. Уверенная середина, и то из-за Насти, которая не могла смотреть на то, как я закапываю своё детство в жёстких тренировках. Они же ещё и на психике сказывались. Поэтому она поставила себе важную задачу — развлекать меня по полной.

Оказавшись дома, я не могла сесть за домашние задания, поскольку меня тащили в парк на аттракционы, заставляли кататься на роликах и скейте, играть с плюшевым человеком в костюме, бегать за шариками, есть гору мороженого, переодеваться в смешные костюмы, смотреть глупые мультфильмы, которые...

2472г (7 лет)

Асталисия Астал

«2135 год запечатлелся в коллективной памяти человечества не как пик технологического прогресса, а как пропасть, в которую мы рухнули. Социальные противоречия, копившиеся десятилетиями, наконец вылились в полномасштабный глобальный конфликт. Государства ополчились друг на друга с беспрецедентной жестокостью, применив все оружие из своих arsenалов: тактические ядерные удары выжгли огромные территории, химические вещества отравили атмосферу, а биологическое оружие уничтожило население. Сам воздух стал непригодным для дыхания, а земля — непригодной для жизни из-за радиации.

Как раз в тот момент, когда наш вид оказался на грани самоуничтожения, непредвиденное космическое событие нанесло второй, решающий удар. Новая звезда, родившаяся в соседней галактике, выпустила мощную волну космического излучения — гамма-лучи, которые пронеслись через нашу Солнечную систему, окутав раненую Землю своим разрушительным сиянием. Совместное воздействие войны и космической энергии привело к катастрофе. Человечество не исчезло, но было отброшено назад — не только в переносном, но и в прямом смысле, на целое тысячелетие назад. Развитая инфраструктура разрушилась, знания были утрачены, а тонкости устройства общества XXI века исчезли.

Однако апокалипсис не привёл к вымиранию. Это был испытательный полигон. Гамма-излучение и повсеместное химическое отравление не просто убивали, а запускали глубокие и необратимые изменения в генетическом коде человека. Человечество не погибло, оно мутировало. Эта «великая мутация» изменила саму нашу сущность, породив новые классификации гуманоидов и навсегда изменив социальную структуру.

Последствия: новое человечество и общественный строй.

Из пепла глобального конфликта возникла новая геополитическая карта, на которой доминировала горстка «великих держав». Более мелкие страны либо ассимилировались с этими крупными образованиями, либо были поглощены ими. Наш современный мир характеризуется резкой дихотомией:

Города: *Это оплоты передовых технологий и интеллектуального развития. Внутри их хорошо укреплённых периметров часто встречаются сверкающие шпили, автоматизированные транспортные средства и научные чудеса. Эти городские центры являются средоточием исследований, передового управления и развития сверхспособностей. Они представляют собой хрупкую связь с эпохой до Коллапса.*

Древни, анклав и кочевые кланы: *за крепостными стенами подавляющее большинство населения живёт так, как будто мы вернулись в Средневековье. Жизнь здесь подчинена смене времён года, грубой силе и древним обычаям, которые практически не затронуло технологическое вмешательство. Древние традиции, передаваемые из уст в уста, по-прежнему сильны, и выживание часто зависит от сотрудничества внутри общины и личных качеств.*

Хаос также привёл к возвращению наследственных титулов. Герцоги, графы, бароны и другие представители знати теперь обладают значительным влиянием, особенно на сельских территориях, что укрепляет феодальную структуру. В этом стратифицированном обществе главной ценностью является не просто богатство, а продемонстрированная сила и выдающиеся способности. Люди постоянно соревнуются, стремясь доказать свою ценность и получить более высокий социальный статус.

Тройственное разделение человечества:

Великая мутация привела к появлению трёх отдельных, но часто взаимодействующих классов разумных существ:

Нелюди (Нонлюди): эти существа обладают поразительными физическими характеристиками, напоминающими о предках-животных. Это интуитивное проявление их изменённого генетического кода. Наиболее заметные черты: вертикальные зрачки, хвосты, звериные уши, удлинённые клыки, острые когти, функциональные крылья или даже рога. У некоторых частично рептильная физиология, чешуя или изменённая текстура кожи. Нонлюди часто обладают мощными сверхчеловеческими способностями, зачастую необузданными, что делает их грозными в бою и высоко ценимыми или внушающими страх из-за их уникальных качеств.

Сверхлюди (Superhumans): сохраняя типичную человеческую форму, сверхлюди обладают экстраординарными способностями, выходящими за рамки естественных человеческих возможностей. Это не просто навыки, а врождённые улучшения. Их черты могут включать в себя невероятную силу, головокружительную скорость, невероятную ловкость, безграничную выносливость или интеллект, не уступающий суперкомпьютерам, существовавшим до Коллапса. Их способности сильно различаются: от управления стихиями до экстрасенсорных способностей, что делает каждого сверхчеловека уникальной силой.

Люди (Humans): в этот класс входят особи, которые при рождении не обладают врождёнными «суперспособностями» или физическими мутациями. Они являются основой. Однако потенциал для роста внутри класса «Люди» огромен. Благодаря упорным тренировкам, непоколебимой дисциплине и чистой силе воли обычный человек может возвыситься. Нередко люди овладевают каким-либо навыком — будь то фехтование, меткая стрельба, стратегическое мышление или даже зарождающаяся форма псионики — до такой степени, что официально переходят в ряды сверхлюдей. Их путь — это усердное самосовершенствование, которое часто вызывает благоговейный трепет.

Жизненный цикл и социализация:

Одним из самых значительных, хотя и часто упускаемых из виду, изменений, вызванных Великой мутацией, является резкое увеличение продолжительности жизни людей. Обычные люди теперь живут в среднем до 300 лет, в то время как сверхлюди и нелюди, ставшие обладателями более радикальных генетических изменений, часто живут более 500 лет, расширяя границы возможного.

Также было пересмотрено определение совершеннолетия:

Для большинства людей совершеннолетие по закону наступает в 30 лет, после получения образования и развития базовых навыков.

Для сверхлюдей и нелюдей этот порог может быть достигнут раньше, а именно в момент проявления их врождённых сверхчеловеческих способностей. Зачастую это нестабильный и опасный период, требующий немедленного вмешательства государства и обучения.

В качестве альтернативы лица, проживающие в специализированных государственных или военных организациях, а также те, кто живёт в зонах активных боевых действий, могут достичь раннего совершеннолетия, продемонстрировав свою готовность к жизни в обществе и завершив предписанную им подготовку или обучение, независимо от возраста. Их уникальные обстоятельства требуют ускоренного развития и обретения способностей.

Бюрократия рождения и жизни:

В этом новом мире интересы государства, от зачатия до смерти, имеют первостепенное значение, особенно когда речь идёт о генетическом потенциале его граждан. Процесс регистрации каждой жизни тщательно регламентирован:

Регистрация рождения: каждое рождение немедленно регистрируется не только для идентификации, но и для комплексного гражданского планирования и генетического профилирования.

Регистрация способностей: это, пожалуй, самый важный аспект отслеживания развития в раннем возрасте. Для каждого новорождённого, особенно для тех, у кого наблюдаются ранние признаки мутации, проводится комплексная оценка и регистрация потенциальных способностей.

Тип способности: классификация конкретной силы или усиленной характеристики (например, пирокинез, повышенная сила, звуковой крик, ядовитый укус).

Потенциал способности: оценка присущей ей силы, сферы применения и потенциала для деструктивного или конструктивного использования.

Потенциал для развития: прогноз того, насколько можно отточить, усилить или разнообразить способность в течение жизни при условии надлежащей подготовки.

Регистрация семьи: ведётся подробный учёт родословных, отслеживаются линии крови и генетическая предрасположенность на протяжении поколений. Совместимость членов семьи в плане продолжения рода представляет интерес для государства.

Медицинская карта: На каждого гражданина с момента зачатия заводится обширное медицинское досье, которое формируется на протяжении всей жизни.

Совместимость способностей: имеет решающее значение для определения подходящих партнёров и оптимизации генетических результатов для потомства. Браки часто заключаются по договорённости, если не по принуждению, на основе этих профилей.

Степень конфликта способностей: выявляет потенциальные противоречия между унаследованными способностями или способностями потенциальных партнёров, которые могут привести к появлению опасного или нестабильного потомства.

Доминирующая способность: определяет наиболее выраженную или сильную врождённую черту, которая часто определяет карьерный путь человека или его назначение на военной службе.

Психологическая карта: подробный профиль психики, темперамента и потенциала стабильности или нестабильности человека, необходимый для управления мощными способностями.

Регистрация беременности: Государство заявляет о своём присутствии ещё до рождения ребёнка.

Куратор: Специально назначенное государственное должностное лицо следит за течением беременности с самых ранних сроков, обеспечивая оптимальные условия для развития плода и, что особенно важно, выявляя ранние признаки редких или серьёзных мутаций.

Место жительства: Место жительства будущих родителей часто определяется или в значительной степени зависит от рекомендаций государства, направленных на то, чтобы максимально раскрыть потенциал ребёнка, обеспечить надлежащий контроль и предоставить необходимую медицинскую или специализированную поддержку.»

2475 г (10 лет)

Асталисия Астал

Пустынный, безжизненный город раскинулся передо мной, как мрачный символ утраченной надежды. Уверенность в том, что я выбрала верное направление, испаряется, словно дым от очередного взрыва.

Я замираю и вздрагиваю. Медленно поворачиваю голову в сторону звука и тут же отворачиваюсь, не в силах выдержать нарастающую тревогу. Перед глазами стоит горящий автобус, в который прилетел снаряд.

Привалившись к обвалившейся стене, медленно спускаюсь на корточки, обнимая себя руками.

Короткая плановая остановка в укрытии, рассчитанном на обстрел. Мы должны были переждать внеплановую активность врагов. Внеплановую... Словно они должны были согласовать нападение с нами. Какой бред в моей голове крутится! А потом мы бы дальше двинулись в 105-й квадрат. Нам оставалось лишь один район проехать.

Приспичило в туалет, и вот. Чудо? Судьба? Провидение? Однако я тут. Выжила. По чистой случайности.

В рюкзаке небольшой запас провианта. Если я не встречу ни с кем из наших, придётся заниматься охотой. На кого? Карта только в памяти, иду почти вслепую. Средств связи нет. Нога... Дискомфорта не доставляет, но если так продолжится... Лекарств не было, только бутылка воды, обезболивающее и бинт. Благо, осколок был крупный, но нужен рентген.

Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, поднимаюсь. Оставаться на одном месте долго нельзя.

Сердце сжимается от страха, когда звуки бомбёжки и свиста пуль смешиваются с резким рокотом разрывов, сотрясая стены и мой разум. Днём и ночью этот нескончаемый шум стал для меня привычным фоном. Каждое мгновение может стать последним.

— Может, не стоило уходить? — Но пути назад уже нет. За спиной километры непроходимых дорог, шансы попасться врагу и не вернуться. Лучше идти вперёд. Осторожно разглаживаю бумагу.

Немного потрёпанные, чуть в грязи, постаревшие мужчина и женщина — мама и папа. Улыбаются так радостно и счастливо, насколько это возможно. На заднем фоне — раненые и уставшие бойцы. Оружие. Костёр.

Они были всё это время без нормальной кровати, вкусной еды, тихих ночей, и это заставляет собрать свою волю в кулак. Напомнить, что это именно то, что я хотела, то, к чему я так отчаянно стремилась последние пять лет, узнав, кто мои родители и где они находятся.

Присев на камень, открываю бутылку воды и тяжело вздыхаю.

Сегодня что-то идёт не так. Я не выспалась. Стоит присесть и затаиться, как клонит в сон. А ведь если поймают — убьют. Тогда... Страшно думать. Надо убираться отсюда. Идти быстрее и тише. Военные с обеих сторон то и дело спуют по сектору. Различить несложно: речь и форма. До этого они тоже были, но не в таком количестве.

Что-то случилось? Или я вышла в горячую точку? Фронт сдвинулся? Или чудища вышли? Сейчас сезон размножения всяких тварей, но они не должны нападать.

Вот же! Под ногами земля расходится, едва не утягивая за собой. Я хлопаю в растерянности глазами, прежде чем кое-как успеваю схватиться за непонятный прут и... проводка в оплётке. Опасно. Но... Взгляд опускается вниз. Там ещё опасней.

— Враг! — выкрикивает некто, заставляя вздрогнуть практически всем телом, поднимая голову, чтобы увидеть того, кто будет моим спасением или гибелью. Мужчина. Может, стоит подать знак? — Ребёнок? Ты что удумала? Хватайся! — Ложится животом на землю и протягивает руку. Жить хочется. И найти родителей тоже. — Совсем что ли башка не варит? Тут расшибиться — раз-два! — Не получив от меня содействия, он сам кое-как вытаскивает. Отряхнувшись, хлопаю себя по карманам, чтобы понять, где лежат документы. Протягиваю. — Кадет? Ты же должна ещё учиться.

— Нет. Я выпустилась досрочно. — Мужчина сканирует меня взглядом. Пристально. Вчитывается в документ. — Позывной — лисица. Я ищу кое-кого. — Показываю фотографию в тихой надежде, что он их узнает.

— Лисица? — хмыкает, закуривая сигарету и забирая фотографию. — Астал? Вот же! — Ругается и о чём-то ворчит, но слова разобрать не получается. — Они были в квадрате 157. Но... Там уже всё разбомбили. — Подозрительно сощурив глаза, осматривая мою фигурку. Неужели так и закончатся мои поиски? — Пошли. Покормлю хотя бы. — Я медленно киваю, поправляя лямку рюкзака. — Мда. Особо помочь нечем. — Почёсывает голову и бросает взгляд куда-то за спину. — Эй, принесите пустую карту. — Кто-то выкрикивает несвязное возмущение и ругательства. — У нас нет времени возиться с тобой. Эти места сейчас лучше обходить. Держись ближе к этому району и иди в 279-й квадрат. Там полевой госпиталь. Мы сообщим, чтобы тебя встретили.

Грозный мужик, но оказывается добрым и понимающим. Рассказал, чего стоит опасаться, на что обращать внимание. Какие места по описанию лучше всего подойдут для укрытия. И припасы дал. Не слишком много, но этого должно хватить до следующего пункта назначения.

***

Усевшись на камень поудобнее, ставлю локти на колени и низко склоняюсь, так что голова оказывается на ладонях. Прикрываю глаза на пару минут, чтобы в следующий момент прислушаться к окружающим звукам и подскочить с места...

Укрытие! Снова нужно укрытие! Который раз уже? Тут не везде можно с удобством спрятаться! Благо, я маленькая, могу где угодно поместиться. Отвратительный день. Хуже не придумать. А ведь погодка такая хорошая! Чего бы им всем не взять и не устроить выходной или пикник какой-нибудь!

С ума сошли. Взбесились. Словно квартальный отчёт по числу убитых не сходитя с планом. Вот и отстреливают нужное количество вражин, дабы начальство осталось довольным. Одно хорошо... Монстры по этой территории не гуляют. Распугали.

Но данный факт ни на что не влияет, ибо легче не стало. Приходится ходить перебежками на полусогнутых. Отсидиваться в развалинах и оглядываться на каждый шорох. Это бесит и нервирует. Используй каждую секунду, чтобы отдохнуть.

Вокруг торчащая перфорация, столбы пыли, растяжки, взрывчатка. Осколки. Камни. Серые плиты, провалы в старые подземки. Где-то можно найти муляжи поваленных зданий, за которыми спрятано убежище.

Порой кажется, что всё вокруг — площадка кинофильма. Ещё пара минут, и откуда-то вылезет режиссёр, каскадёры... Вот сейчас... В эту минуту. Если бы не горькая правда, что это реальность, в которой живу. Столь разительное отличие от того, что за стенами... Внутри города.

Получится ли найти родителей?

— Асталисия? — выкрикивает кто-то, непроизвольно дёргаюсь. Выхватываю нож и встаю в полубоевую стойку. Слышать своё имя после стольких недель хождения и безмолвия... Кто?

— Папа? — я осторожно выглядываю из укрытия в попытке рассмотреть зовущего. Высокий. Тёмные волосы. Большой шрам на правой части лица и рассечённая бровь. Это и вправду он — Арчибалд Астал — отец.

— Асталисия... — подходит ближе, останавливается в паре шагов. Сердце пропускает несколько ударов. — Я нашёл тебя. Слава богу, нашёл. — Он медленно оседает на землю, не в силах удержаться на ногах... И это так странно, при том, что вроде ничего такого не случилось.

Смотря на этого мужчину, которого одолевают разные спектры чувств, я и сама потихоньку начинаю осознавать происходящее на этом маленьком островке неожиданного спокойствия. Сердце пропускает удар, а в голове начинают всплывать разные мысли.

Сколько раз я представляла этот момент? Думала, что сразу кинусь в объятия. Буду плакать и смеяться от счастья. Буду говорить какие-то глупости, которые мне были не свойственны... Но тело сковано страхом. Непонятным. Иррациональным.

Недоверие? Мечта исполнилась. Так почему же нет удовлетворения? Но я ведь могу это сделать... Именно ради этого я сюда и шла.

— Папа... — бросаюсь на шею, цепляюсь руками за одежду, словно он исчезнет, как мираж. Я нашла его. Крепкие объятия. Неразборчивый шёпот в ухо. — Надо уходить. Тут скоро будет беспокойно. — Как раз недалеко гремит взрыв, в подтверждение слов.

Радостные мгновения встречи врезаются на подкорку сознания. Я отчаянно пытаюсь вспомнить, испытывала ли когда-нибудь такую неконтролируемую радость, что губы сами по себе ползут вверх. А ещё не хочется ни в коем случае упускать мужчину из вида... Из-за этого то и дело цепляюсь за край его формы и получаю понимающую улыбку.

Укрытие оказывается не близко. К тому же место стало ещё более беспокойным, хотя разрывы снарядов перестали оглушать. Разведчики. И чёрт бы с ними, проскользнуть мимо не так уж сложно. Но отец излишне беспокоится, часто оборачивается назад. Проверяет, где я.

Это беспокойство с его стороны ощущается как нечто странное...

***

Военный лагерь 279-го квадрата — полевой госпиталь, куда стаскивают всех более или менее живых участников активных боевых операций. Тут есть боевой отряд, но он не рассчитан на прямое столкновение, и в случае чего раненые сами за себя.

Исключение разве что дети, но их тут... Я и моя сестра, которой несколько месяцев. Маленькое крохотное чудо, которому нужны были лекарства и прививки из-за витающих миазмов. Стандартная процедура.

— У меня есть сестра, — я шокированно смотрю сначала на отца, потом на маму и даже не могу подобрать слова, чтобы описать собственные эмоции. Рада? Обижена? Зла? — А... Я? А я? — иррациональная ревность и даже ненависть к маленькому свёртку заставила отойти от них на пару шагов. Наверное, так ощущается предательство.

На самом деле они могли прибыть в Город. Их задания не были важными или сверхсекретными. Они не были незаменимыми. Однако... Они ни разу не приехали. Сколько бы я ни пыталась понять причину... Она не находилась. Всё выглядело так, что по какой-то причине они или забыли про меня, или разлюбили. Или...

Так громко и отчаянно я ещё не плакала. Принимать факт, что любовь родителей не безгранична и не принадлежит тебе единолично, особенно когда ты получил её только в маленький период своей жизни, больно. Верить в это не хочется.

Я убежала за пределы лагеря и спряталась где-то среди камней. Внутри меня разворачивалась такая же безжизненная пустошь, которая расстилалась перед глазами. Руины собственных надежд и мечтаний обрели вполне физическое представление.

Зачем я тренировалась? Зачем так стремилась в это место? Ради чего?

— Лис... — Я не особо-то и пряталась. Даже как-то наоборот. — Прости... Мы...

Я поворачиваю голову в сторону мужчины, который выглядит крайне виноватым. Пониженные плечи. Растерянный взгляд. Всё его тело говорит о том, что он не знает, как со мной теперь себя вести. А я не знаю, нужно ли мне от них что-то.

Именно поэтому Настя не одобряла моих планов отправиться сюда? Подозревала? Или знала? Может, я была нежеланным ребёнком? Ведь если так подумать... Они написали на меня завешание, словно не собирались возвращаться.

Это глупо. Они могли за это время погибнуть. Я не должна думать о чём-то столь жестоком, но факты не складываются иначе. Или я не хочу видеть какие-то очевидные причины, искать причины, чтобы оправдать их отношение ко мне.

«Прости...»

— За что вы извиняетесь? — Слова, пропитанные официальным холодом, заставляют замереть на месте от неожиданности. — А... Кхм.

***

Вежливое обращение. Соблюдение субординации. Активные физические нагрузки, чтобы быть как можно более занятой. Это максимум, что я смогла изобразить. Хорошо мне от этого было или плохо... Сложно сказать, но ощущалось всё как отчаянная попытка не лезть в отношения с родителями.

— Лис... Поговори с нами, — его сослуживцы хохотали в голос и не стеснялись подкалывать, что поливало мою душу бальзамом.

— Это приказ? — Выпрямляю руки и смотрю ему прямо в глаза. — Я не знаю, о чём с вами говорить и надо ли? — Меня обхватывают за талию и осторожно спускают с турника на руки.

— Пойдём.

В небольшой палатке, которую выделили отцу, матери и сестре, оказывается, стоит ещё одна кровать. Робкая надежда, что это для меня, заворчалась и тут же грустно свернулась калачиком в душе, вызывая желание оттолкнуть эту мысль как можно дальше, чтобы не сталкиваться с жестокой правдой.

Тут гораздо тише, чем за пределами полотна. Малышка тихо посапывает в подобии колыбели, пока мама ходит из одной стороны палатки в другую. Я так и застываю на месте, не зная, куда себя деть. Сердце уходит в пятки в бешеном ритме.

2475г (10 лет и 6 месяцев)

Асталисия Астал

Атака... Целенаправленная атака диких тварей. Никто не успел толком среагировать. Только родители подхватили нас на руки, запихнули в какой-то подвал и рванули сражаться. Надо ли оно им было? Могли ведь спрятаться с нами, но решили поступить вот так... Героически...

Что б их! Ненавижу!

Сколько я просидела в том укрытии, прежде чем всё стихло? Я не могла выйти, скованная страхом, пока моя младшая сестра просто спала, причмокивая губами. И всё, что я могла делать, это ждать... Ждать, пока собственная тревога утихнет и я смогу найти в себе силы выбраться из этого убежища.

Лагерь разрушен. Запах крови врзается в нос и раздражает. Я стараюсь не смотреть по сторонам, тихо покачивая малютку на руках, постепенно осозная, что мы единственные выжившие... Нет ни стонов боли... Ни криков о помощи... Ничего... Оглушающая тишина.

— Мам... Пап... — я останавливаюсь напротив какого-то камня, зацепившись взглядом за что-то знакомое. — Мам. Пап. — резко обрываю собственный шаг. Два тела... Разорванные на части... Они точно принадлежат родителям... Но... — Ууууу...

Это война. Здесь не место детям. Поэтому нас держат там... за возвышающимися стальными воротами.

Были убиты только люди. Незначительные повреждения техники и нетронутые вещи. Мне удалось найти нетронутый и неповрежденный реактивный скутер с люлькой, которую я оборудовала для малышки. Огнестрельное оружие, несколько зарядных устройств, лекарства, провизия, сменные пелёнки и памперсы. Этого должно хватить до другого квадрата.

Недолго думая, я прихватываю с собой карту, список документов о том, кто тут был и сколько. Остальное кидаю в горящие участки, чтобы уничтожить информацию. Скорее всего, через некоторое время сюда кто-то придёт. Если атака была спланирована врагами... Что более вероятно... То это может сыграть им на руку. Нельзя этого допустить.

Только после того, как всё важное было уничтожено, я смогла покинуть территорию... Я не смогла найти в себе силы попрощаться с родителями...

— Девчонка!?! — женский голос, наполненный удивлением. Женщина в чистой, но поношенной одежде практически выскакивает на дорогу, заставив резко затормозить и вытащить бластер. — Я... Я не причину вреда. — Она медленно поворачивается вокруг своей оси, показывая, что при ней ничего нет. — В ту сторону нельзя. Там опасно.

— Кто вы? — ставлю на предохранитель, но не убираю до конца, только дуло опускаю вниз, чтобы не нервировать женщину.

— Лейла... из 105-го квадрата. Я тут с сыном. — 105-й квадрат уничтожили почти две недели назад... Несколько мощных обстрелов, и, по данным выживших, там никого нет. Но кто знает?

— Асталисия Астал, а это сестра Анисия, — коротко представляюсь, хмуро осматривая прилегающие территории.

Я подозрительно щурю глаза, осматривая женщину с ног до головы. Обстоятельства нашей встречи не внушают доверия. Хотя... Мне ли говорить о подозрительности? Десятилетка с младенцем на скутере...

— Мы двигались в другой квадрат, но пришлось остановиться. Эти обстрелы... — Я медленно киваю, толкая скутер в сторону возможного укрытия. — Заходи... Располагайся.

Жилище неприметное. Сильно разрушенное. Части стены не было. За строением скрывалась утеплённая землянка, закрытая от посторонних глаз огромными плитами. Удивительно, что такое есть.

— Спасибо. — В просторной землянке на виду лежат предметы первой необходимости, которые можно было быстро схватить и спрятаться до затишья.

— Прости, не слишком чисто, но жить можно, и это радует, — чуть виновато объяснила женщина, отводя взгляд в сторону.

— Ничего страшного, — было бы удивительно найти в этих руинах что-то лучше.

Встретить тут кого-либо... Удача. Не стоит расслабляться, и по возможности... лучше убраться раньше, чем позже. Она наверняка уже подозревает, что я не обычный ребенок. Хорошо, что информация спрятана так, что добраться до неё без определённых знаний сложно... Может...

— Малышку клади к сыну. Ты садись, я сейчас покормлю вас. — Она тут же начинает крутиться по небольшой комнате в поисках еды.

Стоит предложить ей отправиться в расположение вместе? Так она будет под присмотром, и, если что... В лагере сами разберутся: враг или друг.

***

Откровенно говоря, я не хотела разбираться в том, кто она и как оказалась в этом месте или что ей нужно. Последняя неделя выдалась настолько сложной в психологическом плане, что стоило найти относительно безопасное место, как я тут же уснула.

Кажется, мне даже ничего не снилось, и я не просыпалась, пока меня не начали расталкивать. Перехватить руку, повалить, обездвигить. Женщина под захватом лежит растерянная и слегка напуганная. Я медленно прихожу в себя, вспоминая, где нахожусь и зачем.

— Так ты не обычный ребёнок, — усмехается, когда я отпускаю её, и она, развернувшись, садится на землю. — То-то меня удивило, что ты на скутере сама едешь по такой территории.

— Не очень-то необычная, — пожимаю плечами, поднимаясь с места. Она обычная женщина. Или её навыки направлены на что-то другое. Однако она не тренирована, что вызывает ещё одну волну вопросов: как она тут выжила, не имея даже малейшей подготовки? — Кто вы и что вы тут делаете? — поправляю одежду, подвязываю волосы и устраиваюсь за столом.

— Я куратор из 105-го квадрата. Самуи не мой родной сын, но его отец погиб, а мать умерла при родах. — Так, значит, в этом месте тоже есть кураторы. Это странно, учитывая, что за пределы Города могут попасть уже сформировавшиеся... Взгляд цепляется за собственную сестру, и тяжёлый вздох, наполненный пониманием, вырывается сам собой.

— Понятно, — задумчиво провожу пальцем по боку кружки, окидывая помещение беглым взглядом. — Поедите со мной?

Ближайшее расположение базы находится в трёх квадратах от нас. Это где-то два дня пути на скутере или почти неделю пешком. Это рискованно, но оставлять её тут с ребёнком без провизии... Она же всё равно отправится на поиски базы.

Учитывая, как сейчас все сходят с ума с этими обстрелами, велик шанс, что они погибнут от бомбардировки или попадут в плен. Учитывая отсутствие ярко выраженного физического развития, с защитой ей будет совсем не просто.

И мне будет проще с Анисией, если найдётся тот, кто за ней присмотрит. Я не изучала вопрос воспитания и присмотра за детьми. Хотя ей сейчас немного надо. Но...

— Да, — тут же становится серьёзной и решительной.

***

Затишье. Странное затишье. Выходной? Праздники? Вымерли? Нет... Это как-то слишком, но нам на руку.

Моросит противный дождь. Ветер дует пронизывающий и холодный. И без того неудобная одежда становится отвратительной! Хочется поскорее скинуть тряпки и залезть под тёплое одеяло. Лейла накрылась с детьми походной палаткой, так что им ничего не грозит. Даже холод.

— Кажется, мы приближаемся, — легонько толкаю в плечо, чтобы привести женщину в чувства. — Ваши документы. — Вот же! И почему я о них только теперь подумала?! Чёрт. Ладно. Не страшно. Даже если у неё нет, есть у меня.

— Стой! — Мне приходится тут же резко дать по тормозам, что не очень хорошо для двигателя, но лучше так, чем получить несколько выстрелов в голову. — Кто такие? Дети? Что за?! Эй! У НАС ТУТ ЧТО-ТО ИНТЕРЕСНОЕ! — выкрикивает постовой куда-то в сторону небольшой будки, которую сразу и не приметить.

— Что тут? — Из-за деревьев выходит мужчина гораздо выше даже этого парня... — Девчонка? Тебе сколько лет? А это что? — Приоткрывает палатку, рассматривая женщину с младенцами. — Вот так номер. Что за детский сад на выезде?

Я молча протягиваю документы: личное удостоверение, мой приказ о зачислении в 105-й квадрат, свидетельство о рождении Анисии и тот же набор от Лейлы, которая выглядит ни живой ни мёртвой. Видимо, её этот мужчина сильно нервирует или же в документах есть что-то...

Они оба поочерёдно осматривают каждый лист. Потом нас смеривают подозрительным взглядом. Меня особенно. Потом детей. Качают головами и отходят о чём-то переговорить, что вообще не может восприниматься как что-то более или менее нормальное. Лучше бы сразу сказали, что и как.

Возможно, это не относится к их обязанностям или что-то вроде этого. Они отходят в сторону. О чём-то переговариваются. Сообщают по рации детали и, судя по всему, к нам должен подойти кто-то из «старших», чтобы направить...

Охрана у них довольно жёсткая.

— Товарищ командир, у нас тут это... Из 105-го квадрата, — они даже не смогли дать нам описание. Хотя я не отношусь к 105-му, поскольку нет отметки о зачислении ни в один отряд. Так что это заведомо ложная информация. Надеюсь, нас за это не убьют.

— Астал? Старшая дочь что ли? — Мужчин лёгкой рукой отодвигают в сторону, и на нас идёт танк... Он даже выше своих подчинённых. Сплошная гора мышц! — Младший офицер Астал... И младенческая сестра... Из 279-го пришла?

— Так точно! — Он подозрительно шурит глаза и переводит взгляд на женщину. Она уже бледнеет, краснеет... Её всю переколбашивает... И это довольно странно, учитывая, что никаких видимых причин для такого просто нет.

— Эту в карцер на допрос. — Детей к этому времени аккуратно забирают, словно они сокровище. — Мелких всех в медпункт. Ты с ними. Потом ко мне в кабинет.

***

Если коротко... Лейла — шпион. Малыш Самуи — разменная монета. Ради того, чтобы он оказался в её руках, она согласилась сдать несколько боевых пунктов, в том числе и 279-й квадрат. Ребёнка ей отдали... А вот жизнь сохранить не обещали. Скорее всего, в 105-м квадрате они должны были умереть, но женщина спаслась и несколько недель бродила от одного убежища к другому, заматавая следы.

Я бы, на самом деле, восхитилась... Убить несколько сотен человек ради одной маленькой жизни. Жаль, в полной мере такой широкий жест никто оценить не сможет. Ведь среди тех, кто погиб, были друзья и, возможно, тоже дети... Или родители.

— Я сделаю Самуи своим братом, — останавливаюсь рядом с её клеткой. Вид у неё не ахти. — Он станет Асталом, и его никто в будущем не тронет. Из-за вас погибли мои родители, которых я не видела десять лет с момента своего рождения... Мы только встретились... — Говорить больше нечего, так что я покинула клетку, сразу направившись к командиру.

— Хорошо. — Пётр Геннадиевич несколько секунд смотрит на меня задумчиво, скорее всего, размышляя о том, зачем мне такой геморрой, но отговаривать не собирается. Только ещё более задумчиво листает документы на руках. — Значит, младший офицер признана совершеннолетней...

— Так точно. — Меня снова сканируют долгим взглядом, проходясь по всему телу, отчего мне стало немного не по себе, но я не подаю виду.

2480г (15 лет)

Асталисия Астал

Казарма в лагере ничем не отличается от кадетского корпуса. Такие же кровати, такой же распорядок дня... Единственное, ученики тут — обычные люди, которые ещё не достигли своего сверхпредела. Так что я стала «выскочкой».

Сверхлюдей в местах скопления обычных людей не любят. Силовая дискриминация. Впрочем, у этого есть свои причины... Сверхлюди редко когда обладают приятным характером. Точнее, они только среди своих будут «нормальными». И отгородиться от ненависти большого количества людей сложно, так что...

Эта атмосфера зависти, жалости, злости и нежелания отдавать свои позиции... Никогда бы не подумала, что мне с моими средними навыками сверхчеловека придётся через такое проходить. Неприятно и даже слегка необоснованно. Но других сверхдетей тут не оказалось, а моя сестра ещё не скоро им станет.

Я выбираю выжидательную позицию. Кто задира? Кто тихоня? Кто негласный лидер? Кто доставляет проблемы? Кто их решает? Кто сильный? Кто слабый?

Естественно, всё это подразумевает совместные тренировки. Я не стараюсь подстроиться и делаю свои нормативы, но это их изрядно бесит, поскольку со стороны выглядит как хвостовство. Но я изначально лучше их. Этого не отнять, а снижать свои результаты, чтобы оказаться с ними наравне? Пусть привыкают.

Однако у этого получился совсем другой эффект. Во взводе 57 человек, включая меня. Они разбиты на группы по 5—8 человек, включая командира. Все группы закреплены, хоть их никто не согласовывал... То есть тут самостоятельное разделение. Естественно, группы не сбалансированы. В будущем придётся это исправлять.

Командиры подначивают остальных выкладываться больше и сильнее. Выглядит эта гонка не очень реалистично, но зато они так себя нагружают, что по итогу не могут вечером даже пальцем пошевелить.

Глупые... Они просто глупые. Но я не могу оставить такое без внимания... И не прохожу мимо, каждый раз поднимая количество подтягиваний, отжиманий и других упражнений. Правда, мне потом приходится ещё рано утром выходить для полноценной тренировки и вечером, когда они уже отбыли ко сну.

Выглядит это странно, но это же не в моих интересах выжимать из них все соки.

Старшие смотрят на эти забавы со смехом. Делают ставки, когда до мальцов дойдёт, что их обведут вокруг пальца, но намекать на неправильность борьбы никто не пытается. Весело им. Плевать. Пусть развлекаются.

Я не тороплюсь искать друзей.

Фееричное появление. Общая ситуация. Момент, в который я появилась... Всё это не вызывало никакого доверия со стороны будущей команды. Никто не собирался с распростёртыми объятиями принимать в... закрытое, по сути, сообщество.

Я — исключение из правил. Чужачка. Выскочка. Угроза безопасности. Неизвестная переменная. Напряжение чувствовалось не кожей... Его можно было пощупать руками, разрезать ножом... Едва ли не нарезать на хлеб, как масло.

Это заставляет сторониться всех ещё больше. Поиск своего угла. Тишина. Я буквально отвечаю им тем же... Доверия ни на грамм. Спиной не поворачиваюсь. Стараюсь всё делать сама... И из рук почти ничего не беру.

Заметно ли это? Да.

Взаимно? Да.

Единственные, кому было побоку: санчасть и медблок. Но они ещё более закрыты от внешнего мира, чем все остальные. Дальше четырёх стен своего корпуса они не выходят. Отсюда спокойное отношение.

***

В какой-то момент моё неприятие в команде обрело другой оттенок. Молчаливая битва за право лидерства над всеми...

На самом деле, я не знаю, что именно надо сделать, чтобы они увидели во мне авторитет. Пока они сосредоточились на мне, как на «враге», они перестали пакостить. Хорошо? Хорошо. Но показать своё великодушие у меня не получалось. Разве что только оттащить кого-то особо трудолюбивого в медпункт, чтобы его подлечили.

Каждый раз чувствовала себя Терезой... Той самой. Не сказать, что это приятное ощущение. Слегка подбешивает, но вмешиваться в их смысл такого поведения я не тороплюсь. Пусть учатся сами. Единственный плюс — показатели выносливости, силы и ловкости у всех потихоньку растут.

Незаметно жаркое лето сменяется прохладной, сырой осенью, а затем и вовсе зимой. Тренировки переходят в спортивный зал и классы, в которых всё больше дают теорию: вычисления, схемы, сборка и разборка оружия...

Лекции не всегда интересны, поскольку я их уже проходила. В связи с чем, сидя на задней парте, чаще всего занималась поверхностным или углублённым анализом динамики подопечных. Однако некоторые учителя делятся практическим опытом, что довольно познавательно.

Естественно, в таких разговорах я начинаю задавать целую кучу дополнительных вопросов, так что тоже конспектирую. Порой эти расспросы превращаются в целый спор с обсуждением разных стратегий.

***

Зима... Чистый снег слепит глаза. В этом месте, полном серости и уныния, когда нет времени даже на секунду отвлечься от практики, чтобы не скатиться в общем рейтинге и удерживать лидерство, наблюдать за тем, как мир становится красивым, даже просто пробегая по площадке... Это дорогого стоит.

Пока остальные тренируются где-то в зале, я решила выбежать на обычную пробежку по снегу. Хруст под ногами затягивает в свои собственные медленные мысли, которые крутятся вокруг возможного понижения в должности.

Команда меня всё ещё не принимает, хотя умники вполне сплотились вокруг меня и признали авторитет. А силачи... Те, кто больше любит махать кулаками, смотрят обозлённо и настороженно. Не так, как это было в самом начале, но приятного всё ещё мало.

Убирать мою кандидатуру никто не торопится. Видимо, всем более чем достаточно того, что есть. К тому же в конце зимы к нам должны прибыть «элитные» из 189-го квадрата. Вроде как для обмена опытом. По сути, это будет «соревнование» между кадетами. Будут решать, кто круче и лучше.

Тяжёлый вздох вырывается из горла, выпуская белый пар изо рта. Из-за нескольких слоёв одежды я даже слегка вспотела. Двигаться неудобно, но хоть какой-то эффект есть. Не останавливаясь, переключаюсь на другое упражнение, чтобы успокоить сердце.

Дело пахнет жареным.

Эти «элитные»... Дети потомственных военных, у которых есть надежда на выдающееся будущее. У них высокие шансы стать сверхлюдьми, а у нас — лишь надежда. Мы — сироты, дети без выбора, но с волей, которая крепнет с каждым днём.

Даже представлять не хочу, какого масштаба будет это столкновение. Они-то на меня фыркают, как могут. А тут... Остановившись, присаживаюсь на корточки, пряча лицо в руки, и тихо, протяжно вою от ощущения собственного бессилия.

— Чего это ты тут села и такие странные звуки издаёшь? — Я резко подскакиваю на месте, удивляясь тому, что кто-то смог подойти ко мне незаметно... Но вместо того чтобы встать, как обычно, я поскользываюсь и с размаху приземляюсь на попу, заваливаясь на спину. — Вот это номер. — Медленно открывая глаза и закрывая их обратно, я рассматриваю нависшую надо мной ехидную гримасу командира. — Хах! Так ты и такой можешь быть. — И что в этом такого забавного? Распласталась на земле звёздочкой... — Поднимайся. — Меня легко подхватывают и ставят на землю, словно большую куклу.

— Спасибо, командир, — шмыгаю носом и тщетно стараюсь отряхнуть форму от налипшего снега.

Пётр Геннадиевич — строгий на вид мужчина, всегда серьёзный и хмурый. Он похож на того, кто не приемлет к себе никакого панибратства. Обращение — только по званиям, только по регламенту. Отчёты — вовремя. Исполнение приказов — неукоснительно! Страшный! Если бы не моя психологическая выносливость... Было бы очень некомфортно.

— Видел отчёты и краем уха слышал... Справляешься потихоньку. — Я киваю, медленно пытаюсь понять, что сейчас происходит.

С момента моего назначения мы с ним больше не пересекались. Меня на ковёр не вызывали. С кем-то из старшего состава я так и не нашла себе собеседника. В основном всех смущает мой возраст. Хотя... Лекции должны были сгладить мнение о том, что со мной поговорить не о чем. А может, есть ещё какие-то причины. Я не навязываюсь.

— Угу, — поправляю свою шапку и осматриваюсь по сторонам. Никого тут нет... Это получается, он специально вышел?

— Тебе бы поменьше тренироваться. Так и заболеть недолго. Иди в корпус. — Разворачивает и подталкивает в нужную сторону. Меньше тренироваться? Станный совет. Это совсем не то, что должен говорить генерал гарнизона. Но... Приятно.

***

«Элита» прибыла с высокими целями и не менее высокими амбициями. Напряжение витает в воздухе. Они расхаживают по коридорам с высокомерным видом, и в их глазах горит огонь, который, честно говоря, пугает. Именно поэтому между нами воздвигается стена неприязни.

Из-за этого среди моих бойцов остро ощущается ярость, которая должна стать оружием. И что-либо делать с этим я не собираюсь. Мы готовились на протяжении последних месяцев, как могли, подтягивая недостающие знания и навыки.

— Они и правда элитники, — наши бойцы обходят их стороной или делают вид, словно тех и вовсе нет. Впрочем, немудрено...

Горделивая осанка. Высокомерный взгляд из-под фуражки. Новенькая, чистенькая форма с мудрёной вышивкой и нашивками. Белоснежные рубашки. Стоячие воротнички. Прилизанные волосы. Строевой шаг даже по коридорам. Громогласные приветствия всех старших. Они ярко выделяются из общего фона.

Наши таким не заморачиваются. Может, это из-за того, что квадрат находится слишком близко к активному фронту.

2483г (18 лет)

Асталисия Астал

Сегодня пасмурно. Тучи висят несколько дней, и с них мимолетно срываются капли дождя. Такое ощущение, словно дождь не хочет идти. Да ещё и этот холодный, пронизывающий ветер, который, по всем ощущениям, намерен достать до глубины души.

Что за напасть? Ненавижу осень!

Тяжело выдыхаю, мотаю головой и медленно спускаюсь по ступенькам, чтобы немного пройтись. Движения получаются скованными и раздражающе медленными. Ещё и грязь не даёт делать уверенные шаги, обещая мне падение.

Это ж надо было так попасть под удар?!

Устроить засаду в таком месте... Там ведь даже установить что-то адекватное невозможно. Всё в пыли. Ещё и перед этим монстры кавардак устроили... Спаривание у них. Дикие черти. И гнездо прямо там было. КАК? Сколько людей ради этого полегло?!

А ещё нас двинутыми считают. На себя бы посмотрели, прежде чем оскорблять других... Отправили своих на верную смерть. А может, это из-за продолжительности войны? Точно с ума посходили.

— Астал! — вздрагиваю от того, насколько сильно погрузилась в свои мысли, и осматриваюсь по сторонам, чтобы понять, откуда позвали... Командир. — Астал, почему вы не в лазарете?! На улице холод такой стоит, а вы! — на меня тут же накидывается широкий вязаный шарф.

Я действительно вышла в больничной одежде: кителе и шинели. Не очень тёплая комбинация, но на то и расчёт. Рана на плече сильно чешется и зудит... Единственное, что успокаивает раздражённые нервы, — холод. Однако окно в палате открывать запрещено. Лёд не дают, опасаясь осложнений... В общем, одно страдание. Как по мне, пакетик льда был бы предпочтительнее.

— Благодарю. — Поправляю шарф, чтобы он нормально сидел, но застёгиваться не тороплюсь, отчего он сам тянется к пуговицам. — Я специально. — Его свирепый взгляд заставляет поднять руки в качестве знака капитуляции.

— Зудит? — Останавливается на середине и заглядывает строго в глаза. — Почему без трости? Рекомендации ты совсем не желаешь выполнять. — Обречённо выдыхает и замолкает, переводя взгляд куда-то на больничные окна. — Ты к сестре когда заглянешь? Слухи нехорошие ходят.

Слухи... Я не очень-то к ним прислушиваюсь, некогда, но, видимо, надо. Я поворачиваю голову в ту же сторону и тяжело выдыхаю. На сестру совсем времени нет. Постоянно что-то да случается. Даже слегка стыдно. И в санчасти я не частый гость... Не разорвёшься.

— Надо. — Разворачиваюсь в сторону штаба, набирая шаг.

— Я тебя в медчасть тогда определил для того, чтобы с сестрой виделась... А ты... — Мне ничего такого не нужно объяснять. Я и так всё прекрасно знаю. Однако... — Слышал, ты ради встречи с родителями академию за пять лет закончила. Сильно. Их гибель...

— Я найду в себе силы. — Он выдыхает, покачивая головой, но не торопится что-либо говорить. Командир не совсем прав. Я прихожу к ним, когда они спят.

Сестра и Самуи... Напоминание о великой боли и самой болезненной потере. Я не могла их взять на руки или прикоснуться. Просто приходила, садилась и смотрела... Искала ответы на собственные вопросы, которые цепляли мою душу.

Я не знала, ни что делать со своими чувствами, ни как к ним относиться... Не понимала, зачем спасла сына Лейлы, приняв в свою семью... Почему так беспокоюсь о здоровье сестры, которую ещё несколько дней назад ненавидела и не хотела, чтобы она жила... Почему они — катализаторы плохих воспоминаний, и, глядя на них, просыпается такая гамма чувств? Я должна испытывать всё это по отношению к совершенно другим людям... Которых уже нет в живых.

Я никогда не сталкивалась с таким сильным противоречием. Мои чувства, действия и доводы разума расходились... Запутывались в какие-то колтуны, которые распутать становилось всё сложнее. Ощущение, что нити контроля и понимания ускользают из рук, пугало настолько, что я коченела, не в состоянии выбрать дорогу. Единственное, что я могла делать... Это сбегать на тренировочную площадку или в библиотеку, достигая предела.

— Найдёшь. — Усмехается, открывая дверь.

— Кстати, где Саша? Я не видела его несколько дней. — Перевожу тему, развязывая шарф. В помещении довольно душно.

— На задании твой Сашка, — и говорит это с таким ехидством... Задира. Не нравится ему романтика среди солдат. Считает, что любовь мозги съедает, хотя гонять кого-то не собирается. Наблюдать за этим весело.

— Здравия желаю. — Проходя мимо, кто-то из рядовых встаёт смирно. Мы проходим, оставляя его без ответа.

— Он должен перехватить пару важных посланий от вражеской разведки. — Очередной рейд, очередная подстава и игра в кошки-мышки. Всё как обычно. — Не переживай, вернётся твой хахаль. — Приоткрыв рот в мимолётном желании исправить Петра, останавливаюсь. — Пошли кушать.

Сашка... Александр Егорович... Худощавый, миловидный рыжий парнишка с дерзкой улыбкой и ехидным взглядом подёрнутых дымкой зелёных глаз. Он выглядел как хрупкая статуэтка. Казалось, что его кожа настолько белая, что прозрачная... Тронь, и на ней легко образуются синяки. Некоторые дали ему позывной «Принцесса».

***

Мы столкнулись с ним на тренировке. Точнее, он тренировался, а я проходила очередной курс реабилитации после очередного мутного задания по добыче информации. Он пытался перенастроить какой-то тренажёр и никак не мог с ним справиться. А поскольку его сразу невзлюбили из-за высокомерного поведения, помогать никто не торопился.

В лагере обязательно находился один такой на роту, на котором так или иначе спускали всё своё раздражение. «Мальчик для битья»... Дай бог, чтобы у тебя хватило терпения переждать острый кризис общей скуки. Такие большие, а игры всё те же. Раздражает. Но спасать каждого в мои планы не входило. Да и к моему отряду он не относился.

Мне было глубоко плевать. Он и сам прекрасно справлялся. А у меня... Были стопки документов с отчётами и рапортами, к которым мне следовало привыкнуть как можно быстрее. Распределить все по полочкам...

А потом... Как-то так получилось, что нас начали считать парочкой. Мы не отрицали, но и поводов для слухов не давали, просто общаясь... Точнее, так выглядело всё для меня... Сложно считать парой и спутником того, кого почти не видишь, пусть между нами и витает некая атмосфера.

— Как грубо, командир, — качаю головой, чуть обозначая улыбку на лице.

— Аккуратнее, — придерживает дверь, позволяя ввалиться в помещение. — Садись, я сейчас.

— Спасибо, командир, — на стол опускается каша с маслом и сахаром, крепкий чай с булочкой и долька лимона. — Вы давно не спали. Для вас это плохо, — чуть жюри мужчину, на что мне беззлобно фыркают в ответ.

— За собой следы, ребёнок! — ну что за человек? Вечно он так.

— Да ладно, не только вам о нас заботиться. Вы себя такими темпами совсем угробите, — смотрит зло и негодуя. Не нравится. Качает головой, тяжело, показательно вздыхая, не удерживая улыбку за привычной маской спокойствия и серьёзности.

С командиром у нас отношения странные. Вроде и разговариваем нормально... Вот как сейчас. Кого он видит во мне? Дочь? Но помимо меня в этом лагере есть ещё десяток девушек, однако почти отцовскую заботу он проявляет только ко мне.

— Поела? — мы встаём из-за стола, собираем посуду, чтобы отнести, но мою стопочку забирают без промедления. — Тебе сейчас только отдыхать, — бурчит, как старый дед. Одеваться с больным плечом неудобно, морщит нос.

— Командир! — в столовую влетает на всех парах Матвей, стремительно, резко.

— Чего кричишь? — поворачиваемся в его сторону.

Бледный, потрепанный, явно уставший, из раны хлещет кровь, но он не в лазарете. Что-то случилось. Сердце ухает куда-то вниз, от чего я вскакиваю с дивана и смотрю на него в ожидании плохих вестей. Они будут, чую сердцем.

— Аста... — он давится воздухом, сталкиваясь со мной взглядом, в котором отражается глубокий страх. — Прости, мы не успели, он принял удар на себя.

Я одёргиваю край одежды и медленно бреду в лазарет. Каждый шаг отдаётся в ушах гулким звуком крови и неистово бьющимся сердца, которое постепенно ускоряет свой бег. Я пару раз чуть не падаю, Петру приходится перехватить меня и придержать за бок.

Резкая, отрезвляющая боль прошивает тело... Однако от нарастающей паники не спасает.

Палата... Кушетка... Без лишних слов понимаю, кто лежит под простыней. Словно в замедленной съёмке протягиваю руку, чтобы найти подтверждение безумству. Меня перехватывают, сжимают кисть руки... И я смотрю на эту наглую конечность, которая не позволяет подвести черту.

— Отпусти. — Конечно же, этого не делают, вызывая волну раздражения. Почему они не хотят показать? Чтобы я после услышанного продолжала терзаться надеждой, что он ещё жив? Это какая-то извращённая шутка или попытка? — Отпусти. — Рычу на низкой ноте и продолжаю своё дело. Стягиваю белую ткань, рассматривая его...

Снайперов стараются убрать в первую очередь. Их позиции всегда выгодные, и оружие дальнобойное. Когда-нибудь это должно было случиться... Я знала. Наверное, поэтому не стремилась сократить дистанцию между нами. Он был не против.

Осматриваю его пристально, цепко, пытаюсь выстроить в голове все возможные варианты произошедшего. Скорее всего, это была засада. И не только на всю группу, но и на него в отдельности. Раны... даже в одежде видно, что их нанесли несколько человек.

— Астал... — На плечо ложится сильная рука командира...

***

Я никогда не болела... Было не до этого. Если не считать переломов, потери крови или чего-то из этой стези. Чаще всего надо было подниматься, собираться и идти дальше. Даже если плохо. Даже если кажется невозможным или полным самоубийством. Что же, мне всегда говорили, что я ненормальная. В этом есть доля правды.

— Сестра, — на голову укладывается что-то холодное.

Мне плохо. Голова болит. Виски сдавливает. В горле застрял противный ком тошноты. Вода не помогает, а лекарства тем более. Меня сразу тянет блевать, и я выворачиваю наизнанку желудок, мысленно удивляясь, как из меня вообще может что-то выйти, тогда как я, скорее всего, ничего не ела.

Истерики нет. Слёз тоже. Они высохли очень давно. Мне просто надо было держаться, потому что парни всегда старались задеть сильнее. Местные психологи в голос утверждают, что моя «закрытая эмоциональность» — следствие какой-то травмы. Даже привели пример, как она могла образоваться.

— Скорее всего, когда ей надо было выплакаться, рядом не оказалось человека, которому она могла бы довериться... — удивительно логично, учитывая, в каком мы месте и что нас окружает...

«Надо было». «Не оказалось». И к кому мне было идти плакаться в жилетку? Сестре и брату, которые меня даже не понимали? Или потом? К командиру, которому надо было следить ещё за сотней ребят, то и дело устраивающих дебоши из-за какой-то чепухи?

— Сколько я проспала? — смотреть на мельтешение сестры невозможно, поэтому прикрываю глаза и прислушиваюсь к звукам. Тут же появляется Самуи, помогает усесться, выпить что-то неприятное на вкус... — Когда похороны?

Уверенный чеканный шаг, терпкий одеколон. В комнату заходит командир. Приоткрыв глаза, устремляю взгляд на мужчину. Он только устало качает головой, оборачивает меня простыней, как гусеницу, и несёт в нужном направлении. Если бы не командир... Сама бы пошла...

На похороны заявляемся в середине процесса. Ненадолго прерываем священника, который зачитывает зазубренные строчки, вставая на место. На нас смотрят и шепчутся, кидают сочувствующие взгляды. Геннадиевич ставит меня рядом, чуть прижимая к крепкому боку, давая понять, что не одна.

Мне должно быть больно. Должно быть не всё равно на его смерть... И что-то такое на самом деле ворошится там, в глубине моей души. Что-то неопределённое, больше похожее на злость, требующую выхода.

Дело ли в том, что Сашка не стал для меня кем-то настолько важным, чтобы я проливали из-за него слёзы?

Через некоторое время священник закончил говорить. Все кинули по горсти земли. И, уходя, сказали слова соболезнования, но до моей души они не достают, потому что мне плевать. Мы так и стоим тут до самого конца, пока гроб полностью не скроется под землёй...

2486—2487гг (21—22 год)

Асталисия Астал

Лунный свет проникает через ржавую железную решётку, выходящую на каменную площадку с несколькими виселицами и эшафотом. В тишине слышны звонкий скрежет кандалов, размеренные шаги сурового надзирателя и треск факела, освещающего часть длинного коридора.

Пару минут назад по этому коридору ещё разносился крик моего товарища по камере. А теперь его нет... Всё смолкло, ознаменовав его трагическую гибель в этих серых жестоких стенах, которые не ведали милосердия с момента своей закладки.

Тут сыро, а потому ещё холоднее, чем на улице, так что пальцы давно посинели и закостенели. Желудок сводит голодной судорогой, и по помещению проносится голодная трель, но прикасаться к тарелке около входа не хочется. Там пируют другие...

Умереть от отравления или какой-то инфекции не входит в мои планы. Лучше уж голодной... Хотя... Не сказать, что этот план лучше, учитывая, что это тоже не менее мучительная смерть. Тут никто по доброй воле и с лёгким сердцем из жизни не уходит... Плен. Война.

Чёртовы убудки! Чтоб им в гробу перевернуться! Гуманисты фиговы! В каком месте? В сточной канаве?

Откуда только взялись?! Куда смотрели наши патрули?! Как проверяли территорию? Зачистка? Нет... Стоит просто признать: нас ловко разыграли, подставили, обдурили, нагнули, обвели вокруг пальца, как малолетних детей.

А подмога придёт нескоро. Неизвестная база, которую мы долго искали! Главное, чтобы одежду не проверили на наличие жучков. Надеюсь, у них хватит времени, чтобы отследить местоположение.

Тихо вздыхаю, понимая безнадёжность ситуации. Нервно вздрагиваю, когда дверь со скрипом открывается, являя тьме тучного мужика, от которого воняет, как от горного тролля! Фу, они совсем не моются? Ладно я, простительно в моём положении. На фоне света улавливаю сверкнувшие ордена и значки с нашивками. Командующий базой!

— Вот так повезло! — мелькает шальная мысль и тут же исчезает, стоит посмотреть в глаза жирдяю... Похотливый. — Черт! Нет! Не хочу! — вопит сознание, пока гаденько усмехаюсь прямо в лицо, не показывая страха, отвращения. А он начинает надвигаться, закрыв дверь на щеколду, чтобы не сбежала. Придунок, мне пофиг, я приколочена к стене цепями и наручниками, даже при всём желании не получится освободиться. А этот убудок продолжает подходить ближе, лопоча на ломаном русском: — Какую тебе информацию о штабе? Ха! Русские не сдаются!

— Пошёл к чёрту, — шиплю как могу, разбитая губа и боль в щеке не даёт говорить нормально, но это раззадоривает злость и упрямство.

Ко мне лезут грязными руками, срывая какие-то остатки одежды. Холод мурашками пробегается по коже. Становится тошно от мысли, что мой первый раз будет тут, в грязной камере среди помоев.

Кривлюсь от омерзения. Чувствую, как всё внутри переворачивается. Попытка вывернуться заканчивается сильным ударом под дых. Сволочь! Интересно, ему будет в мёртвую тушу вбиваться? Гнида.

Интересно, сколько продержусь под таким напором? Недолго. Отбиться не смогу, если решит что-нибудь сделать посерьёзнее жалких побоев. Будем надеяться, что я вся такая грязная и дурно пахнущая его не удовлетворю, как потенциальная постельная игрушка. Брррр.

— О! Я знаю, как вас русских дэвушэк зассоставить говорить. — усмехается, демонстрируя пожелтевшие зубы, а по моей спине пробежал холодок.

Такой противный, вызывая липкий, холодный пот. Он это серьёзно? Да?! Непроизвольно тело дёргается, когда он своей лапищей дотрагивается до талии, с силой проводя вниз по бедру.

— Буэээ! — Млять! Отличная реакция на ситуацию и мнение о незапланированном партнёре в сексе!

Высказываю всё, что думаю, одним делом. Однако от удара не спасает, и я не слабо так прикладываюсь головой о стену. Поцелуй... В засос! Омерзительно, так что с силой прокусываю ему губу! Получай, гадзила!

— Сцучка! — вещи трещат по швам, холод пробегается по обнажённой коже, в губы в этот раз не целует, переходит сразу на шею, а руки кладёт на грудь... Блин, ещё раз блевануть, теперь на его голову не получится. Жаль, надо было потерпеть.

— Скоро, осталось чуть-чуть, — хриплю неразборчиво, и меня выворачивает от очередного прикосновения этого борова, прямо на него. Хоть какое-то удовольствие. Желчь во рту вызывает повторную реакцию. Воняет.

Недоволен? Я тоже много чем недовольна. Ругается на турецком... Ты-то чего ругаешься? У тебя есть шанс переодеться. А у меня? Так и виси... Воняй.

Интересно... А ему это норм? Или тут уже побарабану?

Удар. Моя голова встречается с каменной стеной. В ушах привычно шумит, перед глазами мутнеет. Отдалённо слышится шум: выстрелы, крики и зычный голос Петра Геннадиевича. Пришли.

БАХ! Дверь выносят детонатором. Атака дезориентирует нас обоих. Идиот, тихо ругаясь, пытается достать оружие, но не успевает: пуля быстрее неповоротливого борова. Сама пытаюсь понять, кто пришёл.

— Не смей умирать, Астал! — последовал приказ, донёсшийся сквозь вату. Теперь со мной всё будет хорошо.

До сознания расплывчатым звуком доносится голос командира, который что-то пытается узнать. Попытка ответить что-то вразумительное проваливается из-за головокружения, слабости и контузии. Приложиться головой о стену без последствий невозможно.

Тихое цыканье и недовольное ворчание командира.

***

Тяжело. Я в сознании или в бессознании? С ума схожу?

Дыхание скованное. Рукой не пошевелить. Всё ещё в плену? Нет... Вроде же... Хочу пить и в туалет. Блин! Голова болит и тошнит, а ещё жрать охота, но нельзя, будет несварение.

Пусть хоть кто-нибудь придёт и объяснит, что происходит и где я. Может, я умерла? Нет... Что-то не сходится. После смерти боли не чувствуешь, а тут вполне реальная.

Командир бы с того света достал. С него станется.

— Очнулась? — из горла вырывается согласный хрип. Мгновение, к губам прикасается холодный стакан с водой. Живительная влага течёт в рот. — Пей, не торопись, — мягко проговаривает командир, что заставляет посмотреть на него удивлённо из полуопущенных глаз. — Напугала ты нас, негодница.

— Знала, что придёте, — хриплю в ответ, жмурю глаза и чуть закусываю губы, чтобы не расплакаться. — Верила. — Пётр хмурится, садится рядом, беря мою руку в свои ладони, прижимает их к своему лбу. Тяжёлый вздох разрывает тишину. Я почти вижу, как он расслабляется. — Командир, а я есть хочу и в туалет. И повязку бы сменить. — Мужчина дёргается, поднимает глаза и смотрит недоверчиво. — Война войной, а обед по расписанию.

— Астал, — выдыхает мужчина, опуская голову на постель. По комнате прокатывается его смех. — Ты неисправима.

***

Я сижу в своём кабинете, освещённом мягким светом настольной лампы. Вокруг меня расставлены книги, документы и старые фотографии, которые я старательно разбираю во время реабилитации. Долгие серые дни проходят в ожидании советов врачей и выполнении их инструкций. Море времени, которое я трачу на уколы и физические упражнения, как будто повисло в воздухе, предоставив возможности. Теперь я наконец-то могу уделить внимание своим брату и сестре.

Смешанные чувства переполняют мою душу каждый раз, когда я думаю о них. Я старше, но присутствую в их жизни лишь на расстоянии. Сколько раз они пытались обратиться ко мне, а я была занята своей работой и личными заботами.

Если меня обвиняют в том, что не уделяю им внимания, то их упреки заслужены. Поэтому сейчас, когда, казалось бы, в моей жизни наконец-то появляется возможность общения, я не хочу больше её упускать.

К вечеру моя комната наполняется звуками войны на шахматной доске, когда Командир заходит в комнату с набором для игры. Он всегда появляется в окружении лёгкого запаха кофе и в одежде, пропитанной духом приключений, и приносит с собой истории, которые наполняют тишину смехом и лёгкостью.

Шахматы — это не моё. Я предпочитаю шашки или карты, но иногда мне нужно проиграть, чтобы почувствовать азарт. Командир получает удовольствие не только от победы, но и от процесса — это видно по его лицу, когда он ведёт партию.

«Знаешь, Асталисия, — произносит он, когда я поднимаю королеву, — в шахматах, как и в жизни, каждое решение может стать роковым».

Я смеюсь, но в глубине души терзаю себя. Какую победу могу одержать в жизни? Сколько раз я проигрывала, пытаюсь найти баланс между долгом и семейными узами?

Я сижу на краю койки, прислушиваясь к смеху Командира. Этот звук словно обволакивает меня, отдаляя от страха и боли, которые всё ещё прячутся где-то внутри. Мы находимся в этом обветшалом госпитале, окружённые серыми стенами и едким запахом антисанитарии. В эти моменты, когда он делится историями о неудачливых сослуживцах, я на какое-то время забываю о том, что произошло, о том, что сделало меня такой, какая я есть.

— Асталисия, ты не представляешь, как Пётр Геннадиевич однажды... — он запинаясь на полуслове и смеётся. Я улыбаюсь, даже не понимая, о чём он говорит. Слова тают в воздухе, когда он смотрит на меня. Что это за интерес ко мне? Просто дружба или что-то большее?

— Так вас Пётр Геннадиевич обтирает... — не задумываясь, произношу я и вдруг остаиваюсь. Как будто меня ударило током. Это прозвучало нелепо. Я замираю, словно лань перед волком.

— Как это? В смысле? — он смотрит на меня с любопытством, и моё сердце замирает. Зачем? Для чего? Из каких побуждений?

В нём есть что-то такое, что заставляет вздрагивать при каждой его улыбке. Я бы хотела не думать об этом, но не могу избавиться от ощущения, что происходит нечто большее, чем просто дружеские посиделки. С другой стороны, он не один из моих соратников, с которыми мы купаемся вместе. Это совершенно другое!

В наших разговорах угасают страхи. Каждый смех, каждая новая история сближают нас, стирают границы, которые я выстроила вокруг себя. Может быть, это и есть начало той связи, о которой мне всегда говорили? Я снова встречаюсь с ним взглядом — и вижу в нём нечто

большее, чем просто дружеское участие. Я вздыхаю, пытаюсь подавить эмоции, которые начинают овладевать мной.

Я понимаю, что в этом нет ничего такого. Но... чем ближе он ко мне, тем сильнее я ощущаю этот бунт эмоций внутри. Он — привлекательный мужчина, умный, начитанный, всегда выглядит презентабельно, даже если его одежда порвана и грязна. И сам он в грязи весь. Кое-где волос коснулась седина от стресса.

Тело тренированное... Мускулы под кожей так и перекачиваются. Даже парни засматриваются иной раз. И это несмотря на многочисленные шрамы, оставленные врагами под пытками. Вообще не портят его.

О чём я только думаю?! Вот же!

— У тебя температура? — внезапно спрашивает он, и я замираю. Как я могла забыть об этом?

— Нет. Просто жарко... — отвечаю я, хотя внутри меня разгорается настоящий пожар.

Ох, что я делаю? Каждый его взгляд, каждый жест только добавляет неопределённости моим чувствам. Я не знаю, правильно ли думать об этом, и это пугает меня ещё больше. Тем не менее, я ловлю себя на мысли, что его внимание становится для меня важным.

Входит другая медсестра, её глаза искрятся, когда она смотрит на Командира. Они улыбаются друг другу, и у меня что-то кольнуло внутри. Неужели он всем так улыбается? Я понимаю, что это просто зависть, стремление к тому, чего я сама не могу достичь.

— Когда я смогу сама мыться в душе? — спрашивает она, задумчиво глядя в потолок. Я молчу, чувствуя, как меня трясёт от этого безразличия.

— Где-то через неделю, когда сможете стоять без обезболивающего, — Командир говорит спокойно, даже не дёргается от её флирта.

Я понимаю, что это просто его работа, его долг. Но в этот момент мне хочется сбежать, укрыться, спрятаться от всего этого. Я поднимаюсь и ухожу, оставляя за собой весь этот ненужный разговор. Эмоции, которые зашкаливают в моей груди, обжигают меня своим теплом. Я проклинаю себя за это, за то, что позволила чувствам вырваться наружу.

Как же это непросто! Возможно, я ошибаюсь во всех своих предположениях, но сердце уже чувствует его, и этот хаос в моих чувствах уже невозможно игнорировать. Я не должна позволять этому происходить. Не должна. Но мы оба знаем, что пора готовиться к переменам — вдруг луч надежды зажётся внутри меня?

— Где-то через неделю, когда без обезболивающего сможете стоять. Уж не знаю, что они мне там повредили... Надеюсь, они померли страшной смертью. Нехорошо так говорить и думать, но у меня оправдано! — За вашей гигиеной хорошо следят. Кстати! С вами ничего не сделали. — ещё и подмигивает! Подмигивает! Издевательство! Зачем ты подмигнула?!

— Это... радуется? — и удрала куда подальше. Это хорошо. Иначе я бы задушила её капельницей! Зараза патлатая.

***

Не неделя, а пытка. Ещё и просыпаться как назло начала всё раньше и раньше. Дозировку уменьшают? Или хотят посмотреть на реакцию, когда проснусь и меня Командир мыть будет?!

— Я буду рядом, — придерживает за руку, помогая пройти до душевого отсека.

Кажется, я саму себя загнала на новый уровень смущения. Даже попытка принятия, что он меня голой не только видел, но и трогал, вообще не помогла. А встать в позу и упереться в «я сама» совесть и благоразумие не позволяют.

Рискованно. Вода. Неясное состояние. Неполное исцеление. Недавняя травма головы. Если всё это сложить... Одно неверное движение, и я могу растянуться на этом чёртовом кафеле, как тряпка!

Жаль, что это не отменяет того, что он мужчина, а я девушка. Реакция на женское тело, пусть и такое изуродованное, никуда не денется. Хотя... Не мне об этом думать и переживать. Лучше побыстрей дела сделать и свалить подальше.

Смирись. Смирись. Смирись!

Уж лучше командир, который умеет держать себя в руках, чем несдержанные товарищи-подростки. Я не плохого о них мнения. Но... Стараюсь держаться особняком. Хватает сальных шуток более старших в качестве мотивации.

— Хорошо, — он ведь не дурак... Наверняка уже триста раз всё понял. И молчит. Терпит.

Снимаю с себя вещи. Развязываю бинты. Шрамы выглядят чертовски непривлекательно. И это вызывает выдох какого-то спонтанного облегчения. Словно это... броня от всех.

Странно испытывать благодарность за них? А если бы их не было?

— Всё нормально? — вздрагиваю, резко поворачивая голову в сторону, где он должен стоять... За ширмой. Не стал заглядывать.

— А... Да. Ха... — о чём я думала до этих пор? Вожделение? Мужчина и женщина? Какая несусветная дурость! В каком месте? — Думала... Будет хуже, — зачем я это сказала? Хуже что? В сравнении с чем? Рука тянется к кранику... Но что-то идёт не так... — Кто его закручивал? — или это я настолько ослабла за месяц? — Ай!

Кипящая вода брызгает под ноги, почти не задевая. Лишь пара капель. Но это ещё один неловкий момент в копилку. Потому что мужская грудь оказывается прямо за спиной, а рука уже сама настраивает воду.

— Стой ровно, — куда уж ровнее? Даже на плацу так не стою, как сейчас, судорожно прикрываясь руками. Всё же сейчас я не без сознания. А зря.

— Спасибо, — стараюсь вообще не смотреть в его сторону. Вон у нас кафель белый такой интересный. Никогда не замечала, что он не весь покрыт пылью! — А... Уходить не будете? — опускаю взгляд на тень и отражение...

Почему именно он? Почему не медсестра? С ней было бы и быстрее, и проще. Зачем? К чему такое рвение? Ещё и эти странные мурашки по телу. Холодно мне, что ли? Вроде тепло тут. Нервное?

— Долго ты так будешь? — невпопад делает замечание, ставя меня в ещё больший тупик.

— Так оставьте меня. Я тут сама... потихоньку, — поворачиваю голову в момент, когда он снимает рубашку и кидает её на стул. — Эм... Зачем?

— Сама долго будешь. Потом, — даже двинуться не даёт. Подталкивает к лейке душа... Вода тёплая. Расслабляет... Жаль, что не голову и не мысли. За спиной слышится звон пряжки... Он же это несерьёзно?! — Я в полотенце! — и что мне от этой информации?! Лучше должно стать? Это ещё хуже, чем в палате!

Шумно выдохнув, зажмуриваю глаза и поджимаю губы. Если бы не спина... Если бы не ранения после пыток. Да к чёрту. Зачем вообще это всё делать? Он же мог просто постоять за дверью, чтобы никто не зашёл! Зачем лезть?!

Командир! Что у вас за фетиши и игры такие? Кто вас надоумил на такое?! Кто сказал, что это нормально?! Покажите мне этого человека, я ему голову вскрою!

— А может, всё-таки сама? — голос предаёт, переходя на неуверенный писк цыплёнка. Новое открытие. Его руки с мочалкой проходятся до безумия осторожно. Уверенно.

Провалиться бы мне под эту плитку! Какая стыдоба! Какой ужас! Как так можно?!

— Хватит зажиматься, как девственница на выданье, — вздрагиваю всем телом... А ещё эти слова отрезвляют слегка. Он тут помогает. Время тратит. Да что между нами может случиться?

Нет... Это у меня что-то не так с головой. Я же раньше как-то с парнями мылась, и ничего. Никто никак не реагировал, и мне было плевать. Не просто... так? Почему я до этого не придавала никакого значения? Я спокойно могу голой пройти по расположению.

Так к чему все эти смущения, словно тела своего никому не показывала? Хотя показывать и позволять себя трогать... Это же две разные вещи. Но... неотъемлемые друг от друга. В лагере девушек нет. Моего возраста. Те, что есть, уже в возрасте, молодых парней не особо интересуют. А что насчёт удовлетворения потребностей? Естественных потребностей?

Пубертат? Поэтому меня сейчас так колбасит? Так ведь рано... Или это из-за того, что сверхчеловек? В этом плане всё тоже быстро наступает? Подождите... Если я так смущаюсь и реагирую... Разве это не означает, что командир меня сексуально привлекает? На других же мне плевать с высокой колокольни.

Здравствуйте... Приплыли тапочки к дивану. «Сексуально привлекает»? Командир??

Точно! Меня же по голове приложили! И лекарствами обкололи! Кто знает какими, раз я неделю овощем прикидывалась и потом ещё несколько недель в полубессознательном состоянии в палате валялась.

— Пётр Геннадиевич, не ставьте меня в ещё более... неловкое положение, — кажется... я только что слышала, как что-то сломалось. Внутри.

— Что-то голос у тебя меняется так быстро... Не парень же... — он ведь не воспринимает меня как женщину... Да?

Какая к чёрту женщина? Потребности... «Как девственница на выданье». Какова вероятность, что единственная на всё отделение девушка окажется нетронутой? При учёте, что она живёт и купается вместе с теми самыми парнями? Да даже при учёте, что я веду себя как последняя стерва... Вариантов-то немного.

— Ничего такого, — но голос продолжает менять тональность... Благо, не в истеричную сторону. Потому что... Только истерики не хватало для полного позора!

Надо держаться... Постараться думать о каких-то других вещах. Всё нормально. Ничего не происходит! Вообще ничего. Подумаешь? Мужчина, что стоит за спиной, пытается помыть меня в... интимных местах.

Он молчит. Не двигается. Не пытается убрать руку от промежности.

Мне надо вернуться к исходному положению, но сделать движение ногой в сторону кажется совершенно невозможным. Эта напряжённая неловкость становится всё ощутимее.

Мне стоит потерпеть. В этом нет... Ничего... Такого! Чёрт побери!

Сильная и большая рука, свободная от обмывания, оказывается на моём бедре. Вздрагиваю от неожиданности. Пальцы уверенно сжимаются, поглаживают. Поднимаются чуть выше... До талии, к рёбрам и обратно.

Это вызывает табун мурашек. К тому же движение такое плавное и нежное, успокаивающее. Я знаю, что он хочет — отвлечь. Кажется... Я совсем теряю связь с миром. И вовсе не от того, что мне приятно...

Почему он не остался за дверью?!

— Ты мне доверяешь? — говорит очень тихо куда-то в поясницу. Я киваю. Продолжаю наблюдать за рукой, что уже перебирается к животу. — Я ничего не сделаю. Ты и сама это знаешь.

— Знаю... — но это ни черта не меняет.

НИЧЕГО Я НЕ ЗНАЮ! Я не знаю, что мне в этот момент стоит думать? О том, что, потенциально... по его мнению, я давно не девочка? Или о том, что он может принять это как одну из «травм» после плена? Что из этого важнее? Оскорбиться и обидеться? Или умилиться его дрянной предусмотрительности и понятливости?

— Астал. Я касаюсь тебя мочалкой, а вторая рука на виду, придерживает, чтобы ты не упала, — сложно оспаривать факты. Губы уже искусаны. Делаю маленькое движение ногой в сторону. Достаточно, чтобы он прошёлся там мочалкой. — Вот так... Молодец. Ви... Чувствуешь? Ничего лишнего.

— Заткнитесь... пожалуйста, — выдыхаю через силу и тут же сама затыкаюсь, лишь бы не ляпнуть ничего лишнего.

Знал бы он, что это ни фига не успокаивает... К тому же... Это начало пытки. Впереди ещё две недели совместных купаний. Спину мне исполосовали знатно. И хотя сами шрамы уже выглядят лучше и затянулись, двигать корпусом ещё сложно.

Надеюсь... Он притворится идиотом... И не заставит меня говорить вслух... Что я как раз та, кем он меня обозвал.

Вот сюрприз кому-то будет. Хах.

***

Две недели молчаливого, неоднозначного кошмара... Личный ад, который длится от пяти помывочных минут до двадцати, потому что надо помыть ещё и голову. Именно из-за этого срок увеличивается.

Кажется, я ненавижу свои волосы. Может, отрезать их? Нет... Я уже могу осторожно наклоняться. Не завтра, так послезавтра всё это прекратится. А волосы будут отрастать несколько месяцев. А за эти месяцы я ещё не раз окажусь в такой ситуации...

Лучше бы я тогда промолчала. Было бы не так неловко и обидно.

Одно хорошо... Я научилась полностью абстрагироваться от реальности, когда его руки хоть как-то касаются меня. От мурашек не спасает. Но хотя бы не дёргаюсь и не издаю никаких звуков. Кто бы знал, чего мне это самообладание стоит.

— Ты хоть дышишь? — зачем вы спрашиваете? К чему этот полушутливый тон, который сейчас воспринимается насмешкой?

— Если захочу самоубиться, то обойдусь без вашего общества. — кажется, я слишком язвительна и саркастична. Но ничего умнее в голову не пришло.

Моё нарочито спокойное дыхание, прикрытые глаза — единственное, что может выдать, — нервное перебирание пальцев одной руки. Он не должен знать. Это не в его компетенции. Он просто командир. Ему вообще должно быть плевать! Остаётся быть благодарной, что он не спрашивает о другом.

— Наслаждаешься? Терпишь? — медленно приоткрываю глаза... Тренировка! Тренировка тела и разума!

— Зачем вам? — осторожно поворачиваю голову, натываясь на самодовольную ухмылку. Никогда не замечала такой его стороны. Или... он тоже нервничает? — Медитирую. — это получается естественно...

Даже голос не дрогнул, и тело осталось стоять как прежде. Учитывая, сколько мыслей в голове, которые пытаюсь отловить... Какое наслаждение я, по его мнению, должна получать от этой процедуры?

— Медитируешь? — разочаровался? Должно было быть что-то другое? — Хм. И как? Хорошо получается? — что за издёвка в голосе?

— Полагаю, что да, раз вы интересуетесь. — куда-то не в ту сторону разговор идёт. — К чему вопросы? — обматываюсь полотенцем, чтобы не стоять в столь уязвимой позиции.

— Огрызаешься... Это хорошо. — кладёт руку на голову и чуть поглаживает, как щенка. — Одевайся. — странный он всё-таки... И забота у него странная.

2489—2490гг (24—25) лет

Асталисия Астал

Последняя неделя была до невозможности спокойной. Настолько, что одни слишком расслабились, даже устраивают какие-то посиделки и развлечения, а другие, наоборот, на взводе и то и дело проверяют сообщения или связываются с обзорными башнями.

Я же... сплю. Прерываюсь только на приёмы пищи, и то только потому, что меня будит Анисия. Обеспокоенная моим состоянием, она даже доктора заставила прийти. Диагноз мне поставили довольно быстро — хроническая депрессия и усталость. Совет: дать выспаться хорошенько.

Вот и выпалась. Сидя на ступеньках, достаю пачку сигарет с зажигалкой, закуриваю и затягиваюсь отравляющим дымом... Дым в небо. Ленивый зевок... Рядом присаживается Самуи, на плечо которого опускаю голову и просто смотрю на окружающую обстановку, иногда зевая.

— Анисия беспокоилась, что вы не выходите... — я неоднозначно мычу, соглашаясь с ним.

— Помню... Ходила, ворчала... — а ещё специально гремела, в надежде, что я подам признаки жизни, сознания. Но не тут-то было. Я стоически вытерпела её нападки.

— Вы в порядке? — он осторожно прикасается к моему лбу, пытаюсь нащупать температуру, но со мной действительно всё хорошо. Даже лучше, чем могло бы быть. Разве что немного вялая. — Просто... Цвет лица у вас не очень хороший.

— Я просто слишком много спала. Надо бы размяться, — сказала я, а что толку?

Особого рвения идти куда-то нет. Лучше тут посидеть, погреться на солнышке, выветриться от запаха пыли, скопившейся за последнюю неделю спячки. А на тренировочной площадке надо бегать, делать какие-то упражнения, потеть, напрягаться... Желания никакого.

Мне куда интересней сейчас будет сходить к командиру по поводу нового задания... Нет. Почему меня до сих пор не вызвали и не отчитали за невыполнение своих прямых должностных обязанностей? Даже не зашёл и не поинтересовался, что со мной и куда пропала... Может, Анисия рассказала?

Тяжело выдохнув, грузно и тяжело поднимаюсь, словно мне на спину положили несколько увесистых кирпичей. Ещё одна затяжка. Тушу бычок и медленно направляюсь в сторону столовой, где скоро подадут завтрак.

Прежде чем на ковёр идти, стоит подкрепиться. Мало ли чем загрузит? Лишь бы не пришлось перебирать бумажки в штабе.

В столовой не особо много людей. Жаворонки сидят за книгами или во что-то играют. Кто-то досыпает до момента, когда откроется окошко раздачи. За одним из столов сучает Анисия, которая, при виде нас, оживает и машет рукой, показывая на два свободных места.

Так она прислала Самуи, чтобы проверить... Точно... Как удачно она села. Окна прямо на ступеньки жилого комплекса. Удивительно, как не подскочила при виде меня и сама не выбежала. А глаза-то как светятся от счастья.

— Сестра! — меня тут же заключают в объятия, и я мягко вожу по тонкой спине. — Ну ты и спишь! Выспалась хоть? Бледная такая. — Её прохладные ладошки обхватывают мои щёки, пытаюсь лучше определить, хорошо мне или плохо.

Я мягко убираю руки от лица и усаживаю девушку на место. Осматриваюсь по сторонам и киваю Самуи в сторону раздачи. Там уже начинается какая-то своя возня. Стоит поторопиться, иначе потом придётся долго стоять в очереди.

***

Площадь... Спокойное, даже ленивое утро, которое постепенно захватывает себе всё больше места в небе. Начинается суета. Из одного здания в другое ходят полусонные солдаты. Кто-то перебрасывается шутками, кто-то пытается разбудить товарища, кто-то просто идёт на завтрак, приоткрыв один сонный глаз и едва различая дорогу.

Я не лучше, но хотя бы не спотыкаюсь о каждую неровность. Наоборот. В этот раз получилось встать даже бодрее, чем обычно, что несколько радует. Совсем немного. Завтракать не хочется, а вот подышать свежим воздухом и просто понаблюдать за суетой... Так что сижу на поваленном столбе, потягивая горячий чай из фляги.

Вот только... Народ постепенно начинает подтягиваться на небольшую площадь. Останавливаются. Кто-то вылетает из здания, обнимая то одного, то другого. И эта странная вереница передающейся радости заставляет насторожиться, подобраться, в ожидании какой-то новости. Настолько радостной, что поднимается гул голосов.

Неужели что-то глобальное? Нас собираются переформировать? Отправят в другой квадрат? Распределят по составам? Прибудут новобранцы? Или провизия? Или кто-то нас покинет? Может, придёт техника для ремонта?

Давно пора. Это место нуждается в капитальном обслуживании строительных служб. Наших сил не хватает, чтобы латать эти стены и дыры в крышах. Да и нервы не очень согласны с таким бесполезным количеством труда и вкладываемых сил.

— ВОЙНА ОКОНЧЕНА! — хлопаю глазами. Осматриваюсь по сторонам, надеясь, что сейчас кто-нибудь задаст уточняющий вопрос... Однако не только я стою в растерянности и удивлении.

Эти слова повторяются в моей голове. Сжимаю пальцы в кулак, словно отстраняюсь от реальности, так сильно погружаясь в свои мысли. Это невозможное событие, о котором годами говорили как о мечте. И вот теперь оно стало реальностью.

— Сестра, что происходит? — маленькие голоса, полные беспокойства, прерывают мои мысли. Мои карточки на удобной подставке складываются и превращаются в маленьких человечков, которые смотрят на меня с надеждой. Я наклоняюсь, прижимаю их к себе, стараясь вселить в их сердца утешительную уверенность, что нам больше не нужно прятаться от взрывов и страха.

— Война закончилась, скоро мы вернёмся домой, — шепчу я, крепко обнимая их. Их тела расслабляются на мгновение, словно они хотят поверить, но ещё не могут. Их глаза невыносимо полны мечты, которую я ждала много лет.

— Закончилась?! — спрашивает Нис, закусывая нижнюю губу.

Она переглядывается с братом, и они явно не могут смириться с этой новостью. Мимо пролетает парень, который кричит о победе, и из его глаз текут радостные слёзы. Но... У меня эта новость ничего не вызывает... Ничего, кроме ошеломления и ступора, из которого я никак не могу выйти...

— Сумасшедшие, — качаю головой и смеюсь вместе с ними, но в сердце всё ещё таится лёгкое беспокойство. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Да ладно тебе, сестрёнка! — смеётся Нис, прикрывая рот ладошкой.

Но что будет дальше? Реальность вокруг нас вписывается в ветер свободы, который охватывает площадь. Он смешивает наши дыхания, унося их в бесконечность. Мы были солдатами, будущими и нынешними, и теперь, когда наша история так сильно изменится, я чувствую, как сердце бьётся в унисон с каждым новым днём, который только начинается, и с каждой новой надеждой, которая только растёт.

Делаю глубокий вдох и поднимаю голову к небесам...

***

Я сижу на краю обветшалой кровати, ощущая шероховатость старого дерева под ладонями. Утро после праздника стоит в воздухе, словно туман, не желающий рассеиваться. Вокруг меня — мои вещи, все эти котомки с потёртой тканью и заброшенными мечтами.

Оглядываюсь и осознаю, что почти ничего из этого не понадобится.

Сжимаю в ладонях тетради с личными записями, которые, как и старые книги, пыльные и потрёпанные, невольно вызывают щемящее чувство в сердце. Если кто-то прочтёт их... Если кто-то узнает... я окажусь запертой в стенах психиатрической больницы строгого режима. Но и оставить это здесь не могу. По факту, я должна буду показать это моему будущему психологу... Мда.

Выдохнув, тереблю свои волосы и закрываю лицо руками. Воспоминания мелькают перед глазами — тепло, смех, но также и смятение. Как же давно это было. Я оставила Насте договор, чтобы она присматривала за домом, за тем местом, где я провела столько времени. Но что там сейчас? Тихие стены, покрытые тенью утрат, или они всё ещё полны смеха, как тогда?

— Эй! Это всё? — голос Нис прерывает мои мысли. Она заглядывает в комнату, поднимая бровь, намекая на две оставшиеся котомки.

— Да. — Подталкиваю её к выходу и стараюсь закрыть дверь, направляясь следом за ней.

По пути задерживаюсь, чтобы бросить взгляд на потрескавшиеся стены и занавешенное окно, за которым постепенно восходит солнце. Скрип половиц разносится по комнате, а воздух наполняется запахом влажной древесины.

На пороге появляется командир. Его взгляд скользит по моим вещам, отмечая количество, надежду, напряжение. Его слова, напротив, звучат беззаботно, как лёгкий ветерок.

— Ты выглядишь грустной. Это всё? — приподнимает заинтересованно бровь, кивая в сторону корпуса, намекая на то, что там может быть что-то ещё нужное.

— Нет. — Документы и пара личных вещей. — Больше ничего не нужно. — Поднимаю взгляд на небо, и оно такое чистое, такое безмятежное, словно забывшее обо всех бурях, бушующих вокруг.

В фургоне царит шум. Люди смеются, перебрасываются мячом и играют в карты. Атмосфера непринуждённости облегчает груз решения, которое мне нужно было принять. Хотя тишина тревожит меня, ведь все знают, что сейчас, когда мы едем в узком пространстве, это чаще всего приводит к неожиданным поворотам. Некоторые забрались на крышу и смотрят на мир, словно ловят проблеск свободного неба.

В этот миг я чувствую, как меня окружают хлопоты и жизнерадостность, но в то же время вдалеке виднеется прямая линия горизонта. Я понимаю, что свобода всегда сопровождается затишьем перед бурей. Мы должны быть бдительными; наш маршрут предопределён, и на пути может возникнуть что угодно.

Я спускаюсь в фургон, где среди смеха и веселья пытаюсь найти место, где можно ненадолго спрятаться от мира, но при этом оставаться начеку. И вот, в этом странном смещении эйфории и тревоги, я понимаю, что новое утро наполнено не только надеждами, но и страхом. Я снова беру на себя свою роль, готовая к тому, что ждёт впереди, даже если судьба пытается мне что-то сообщить.

***

Меня осторожно трясут за плечо, и я наконец открываю глаза. Мой взгляд встречается с лицом командира, на котором застыла полуулыбка, смешанная с лёгкой долей веселья. Я

потираю глаза, пытаюсь собраться с мыслями, которые, кажется, разлетелись в разные стороны, как воробьи при первых звуках жизни в лесу.

Сглотнув слюну, я осознаю, что обслонявила его плечо, и моё лицо заливается краской стыда. В такой ситуации мне ещё не доводилось бывать. И почему он сразу меня не разбудил? К чему было терпеть такое. Вот ведь...

— Хорошо спалось? — спрашивает, проводя шершавой ладонью по моим растрёпанным волосам. — Крепко же ты уснула. — Командир протягивает мне руку, забирая мою сумку. — Идём. Мы приехали.

Я пытаюсь подняться, но спина и плечи слегка затекли. Но, не задерживаясь, медленно иду к выходу. Не стоит задерживать нас ещё дольше. Пётр Геннадьевич, крепкий и статный, находит меня и аккуратно берёт под локоть, ободряюще подталкивая.

— Ну что вы там так долго?! — кричит один из ребят из вагончика. — Аста, спящая красавица!

Несколько сослуживцев переглядываются, и их смех льётся над нами, как солнечные лучи весной — светло и тепло, но смущение не покидает. Я просто пытаюсь игнорировать их слова и с лёгкой улыбкой забираю свою сумку обратно.

— Благодарю, — прошептала я, морща лоб от навалившейся усталости, и двинулась дальше к контрольно-пропускному пункту. — Это не похоже на стену Города. — Высокая стена в три метра. За ней видны постройки в несколько этажей. Голоса людей...

— Это город, пограничный военный город. Его возвели для реабилитации солдат, — поясняет миловидная девушка с дежурной улыбкой на лице. — Документы, пожалуйста. — Её голос такой строгий, но в то же время добрый. Я открываю свою сумку и выкладываю всё необходимое. — Поставьте сумку на ленту и проходите. Нам нужно убедиться, что у вас нет никаких запрещённых приборов. Всё в порядке, — объявляет она, глядя мне в глаза.

Проверка занимает всего несколько минут, и вскоре мне разрешают продолжить путь. За чертой стоят Анисия и Самуи, я радостно машу им рукой, но задерживаюсь в ожидании командира. Чем дальше я от него, тем сильнее чувствую, как внутри меня нарастает лёгкий трепет. С ним эта девушка выглядит совсем не мило: её лицо напряжено, а руки скрещены на груди.

Когда командир подошёл, на его лице я прочла ту же напряжённость, что и на её. В кои-то веки я рассматриваю его. Наверное, это его магия, которая была похожа на солнце, наполняющее воздух светом, но сейчас эта энергия казалась разбушевавшейся бурей. Я возвращаюсь к своему окружению, но сердце всё ещё колотится.

— Готова? — спрашивает он, глядя на меня. В его голосе нет отстранённости, только поддержка.

***

С поля боя в мирную жизнь... это ощущение не описать парой слов. Чего-то не хватает. Слишком мирно. Слишком спокойно. Слишком... безопасно. Я должна привыкнуть, но вместо этого всё внутри тревожится, как заблудившаяся птица. Все эти годы, проведённые среди рёва снарядов, внезапно стали чем-то далёким, несущественным.

Я пристально смотрю на часы на стене, их тиканье кажется неуместным, как будто оно стучит в голове, унося с собой последние остатки контроля. Мой желудок сжимается от тревоги. Привычка. Кто-то не придавал бы этому значения, но я не могу просто избавиться от этого ощущения.

Тихо выдохнув, сажусь на постели, разминаю шею, чувствуя под ладонью влажную кожу, которая неприятно скатывается. Поднимаюсь, морщусь от ощущений, прилипшей к телу ткани. Медленно подхожу к комоду, достаю чистую ночнушку направляюсь в ванную.

В небольшом коридоре тишина. Только из комнаты командира доносится, что-то похожее на ворчание или стоны, но заглядывать и будить не тороплюсь. Нет смысла. Ещё и опасно. Он приложит лапой, пробью перегородки, остановить не успею.

ПТСР — это не аббревиатура, а реальность.

Прикрыв осторожно дверь и пройдя на кухню, включаю ночник, чтоб не раздражать глаза... Щёлкаю чайник. Достāju понравившийся сорт чая, кружку с каким-то смешным рисунком. Это вызывает улыбку на пару секунд, но этого достаточно, чтобы тревога немного отпустила.

Ванная. Контрастный душ. Вкусно пахнущий шампунь, потому что волосы тоже неприятно влажные и по ощущениям грязные. Гель для душа, словно за дверью расположился экзотический ботанический сад. Скрабы... Мочалки.

Хах... Стоило только попасть в ближайший магазин, как она тут же набрала всякие баночки. Взгляд поднимается на верхнюю антресоль... Кажется мы ещё долго это не потратим. Хотя... Учитывая как часто мы с командиром купаемся... Может в этом был какой-то смысл?

Что не делается всё к лучшему.

Вода успокаивает. Дышать легче.

— А... — замираю с полотенцем на голове и поворачиваю голову в сторону звука открывшейся двери. — Аста... Извини. — дверь с грохотом захлопывается и я несколько секунд просто смотрю на белое полотно... Командир? Взгляд следует ниже... Ничего удивительного. — Я не хотел мешать. — быстро накидываю чистые вещи, отправляя мокрую ночнушку в машинку.

— Ничего страшного. — выхожу из помещения... У него в руках тоже вещи. Запах шампуня... Купался. — Проходите. Вам чай делать?

— Давно проснулась? — выходит из помещений, сразу направляясь к чайнику. — Я сделаю. — немного притормозив, отхожу к окну, присаживаюсь на стул и закидываю ноги на соседний.

— Я не смотрела на время. — подперев рукой, голову, чуть прикрываю глаза... Но рядом становится кружка с чаем. — Примерно двадцать минут назад. Лучше чем было. — на часах не далеко от обычного времени подъёма, это радует. — Вы тоже... Спите лучше чем раньше.

— Прошло всего несколько дней с возвращения. — мне на голову ложится большая рука, что осторожно поглаживает по макушке в знаке одобрения.

2490—2491гг (25—26 лет)

Асталисия Астал

Наши встречи с психологом не очень частые. Он написал хорошую характеристику, не найдя серьёзных отклонений. Порадовало его мнение, что я адекватный человек. Однако род деятельности предложил сменить на более спокойный.

Пройти курсы для смены профессии... Хотя бы ближайшие пару лет, прежде чем вернуться к своим привычным должностным обязанностям. Моя характеристика и показатели для этого более чем подходят. Но...

Я — раскрывающийся психокинетик, который способен управлять физическими объектами силой мысли. И есть задатки псионика-практика, специализирующегося на ментальных и психических состояниях. Второе больше связано с издержками работы, чем с собственным талантом.

Для развития лучше выбрать двух учителей, которые смогут досконально научить использовать свои силы и, по возможности, сохранить баланс. Это если получится подтянуть псионику до допустимого уровня сопряжения... Для этого надо поднимать свою эмпатию, а это прямой путь в длительную психотерапию.

А мне ближе психокинетик с его телекинезом, на который я свободно могу рассчитывать, как на минимальное проявление способностей. Соответственно работа: охотник на демонов, страж порядка, мастер боевых искусств, строитель или архитектор. Вот насчёт архитектора я не очень... Может, в строители?

По псионике мне ничего не нравится...

— Чего без света? — на пороге кухни стоит командир в мягких спортивных штанах. На руке — часы. Передние пряди волос подвязаны на затылке... На плечах — полотенце. В руках — машинка для стрижки...

— Вам помочь? — приподнимаю бровь, отставляя баночку пива в сторону.

Нас поселили в один домик, поскольку другие были уже заняты. Всё из-за того, что меня долго не могли разбудить. Немного стыдно... Но, вроде, никто не испытывал чувства дискомфорта... К тому же я хоть и считаюсь совершеннолетней, но на вид так не скажешь, и таскать с собой документы постоянно... Не очень. Так что даже хорошо.

— Немного, — со стула убирается всё ненужное, на плечи разворачивается сухое полотно. — Не хочу коротко, — он тут же достаёт телефон и показывает картинку с желаемым результатом.

Телефоны выдали. С техникой познакомили и напомнили, как пользоваться. За городом ничего такого не было, поскольку были глушилки. Ещё выдали специальную карточку для покупок. Показали, где магазин и как расплачиваться. Военную форму носить запретили и заставили всех одеться в гражданскую. Немного провели экскурсию по городку.

Данная часть не является полноценно военной. Её создали специально для нас. Здесь действует упрощённый военный устав. Первые пару дней — вроде отпуска. Потом общие сборы, тренировки, обучение.

Расписание простое. У каждого есть выбор, чем заниматься после завершения занятий. После того как все пройдут проверку на сознательность, нам предоставят список профессий, на которые мы можем получить дополнительные курсы. Неплохо. Также есть вариант добровольного ухода из армии в запас.

Помогают адаптироваться в гражданской жизни, вроде тех же применения банковских карт или прохождения антикварных арок. Грубо говоря, делают всё, чтобы мы не выглядели дикими зверями по возвращении. Даже не знаю, стоит ли злиться за такое отношение?

— Чуть выше плеч. Длинные и выглядят опрятно. Вам идёт, — приподнимаю уголки губ, подхватывая ножницы и расчёску.

Раньше он походил на викинга. Волосы длинные, спутавшиеся... Борода. Ещё и взгляд... Многие его монстром считали. Обходили пятой дорогой. Да и голос зычный такой. Прокуренный, с хрипотой. Ни с чем не спутать. Как рявкнет на тренировочной площадке, все по струнке встанут. Сколько забавных случаев было.

— Так что ты тут с таким серьёзным видом обдумываешь? — осторожно стараюсь расчесать волосы. Кончики немного спутались... Пока командир что-то рассматривает на ближайшем столе. — Это ведь буклеты?

— Думаю над профессией... — Командир высокий. Приходится даже постараться, чтобы мне было удобно. Приходится столиком воспользоваться. Благо, деревянный. — Я... никогда не задумывался над тем, кем хотел бы быть...

— Кем быть? — он откидывает голову мне на ноги, заглядывая в глаза, а я замираю на месте...

— Дмитрий Константинович предлагает выбрать что-то мирное... Но... Как вариант, в управление податься или в городской патруль. Может, в уголовный отдел? — вроде, дело не особо пыльное, но тоже имеет свой вес... Должность сохраняется. Есть возможность карьерного роста. Хотя, как знать... — Или охотником... Монстры ведь каждый сезон плодятся... — подталкиваю его голову вперёд, чтобы он сел ровно.

— Уголовный отдел... — бурчит, дёргая плечом. Пряди сбиваются... Хорошо, успела остановиться, а то пришлось бы заново начинать. — Неплохо. Я собираюсь в отдел по борьбе с контрабандой и распространением наркотиков, — сердце от волнения пропускает удар... — Иди на юриста. У тебя неплохая база. Хороший склад ума. Умеешь быстро анализировать и принимать решения.

Закончив стричь сзади, медленно перехожу на другие пряди ближе к лицу. Волосы командира мягкие, приятно возиться. Это даже успокаивает. Проблемы отходят в сторону. Закончив, приподнимаю его голову повыше, чтобы рассмотреть труды...

— Я закончила, — отступаю назад... Слишком неоднозначно получилось. — С бородой справитесь.

Он ничего не говорит. Надо бы найти веник, чтобы убрать всё лишнее. К ногам пристаёт.

— Ты пила? Может, со мной? — показывает бокал вина... Как-то это... неловко. Вроде, ничего такого. Раз мы сейчас не в части, то и отказ будет звучать странно... Медленно киваю. — Слышал, медики тебя нахваливают.

— Сомнительная похвала, — подхватываю бокал, разворачиваясь на стуле.

— Сама-то как? — поднимаю на него взгляд, не совсем понимая, к чему вопрос. — Мне всегда казалось, что из-за этой твоей сознательности ты можешь попасть в передрагу. Особенно тут.

— Ну... Умение анализировать — не самая худшая черта, — пожимаю плечами, отводя взгляд...

— Но она иногда мешает... Не так ли? Ты редко плачешь или смеёшься. Иногда напоминаешь ледяную статую, — из-за этого были драки между нашими... Они всё пытались вывести меня на эмоции... — Если бы я тогда не увидел тебя... В том состоянии... Честно говоря, я даже порадовался.

— Что жизнь другого для меня всё ещё имеет ценность? — жестоко, но имеет место быть. — Я просто решила сделать всё, чтобы не терять никого, — на голову ложится большая рука Командира в качестве поддержки.

***

Пустая кухня... Букет роз на столе. На плите сковородка с каким-то блюдом. Чайник, который недавно закипел, остывает на подставке... Крошки от овсяного печенья... Тишина, которую нарушает редкое шуршание кулера ноутбука.

От него по комнате расходится свет, который меняется в зависимости от того, какую вкладку я открою... Бессмысленное перелистывание одного сайта за другим. Ничто из этого не может вызвать интерес...

Откинувшись на спинку кресла, подбираю под себя ноги, складываю на них руки и, прикрыв глаза, опускаю на них лоб... Голова сегодня слишком тяжёлая и ни о чём думать не желает. Судя по всему, ей просто надоело это вечное беспокойство с моей стороны...

Но я ещё никогда не чувствовала себя настолько растерянной и потерянной.

Я устремляю взгляд на небольшую пластиковую баночку с БАДами и уверенно представляю, как она передвигается ко мне... Теоретически я могу это. Телекинез... В реальности даже минимального подтверждения этому нет. И как тогда?

Несколько месяцев упорных попыток... И что толку?

— Что-то внутри тебя, — уверенно комментирует Куратор, кивая с умным видом.

Я встаю со стула и подхожу к окну, выпускаю в комнату холодный воздух. Красивый закат окрашивает облака в интересные цвета.

Понятное дело, что всё упирается в меня саму... В моё отношение к этой странной силе и к её надобности конкретно в моей жизни. Конкретно в этот промежуток времени. Почему-то эту навязчивую деталь все стойко игнорируют. А я нет... Не могу, не получается.

Зачем мне этот телекинез? Или телепортация? Где в городе это использовать? Ладно... Телекинез ещё сгодится для чего-то в бытовом плане... Да и в бою тоже... Но я сейчас не дерусь, не выживаю, не спасаю... Ничего. Более того, эта способность даже не проявляет себя, а потому и развивать её как-то...

Если я не сделаю хоть что-то с этими способностями, скорее всего, меня отсюда просто не выпустят. Может, стоит подумать об этом как о способе увеличения заработка? Так-то телекинез может пригодиться во многих сферах жизни.

Получается, мне нужно подтверждение нужности и полезности способностей? Монетизация, да?

Хлопнув глазами, свожу брови к переносице, сталкиваясь с внимательным задумчивым взглядом командира, который стоит за окном... Когда он успел прийти? Он усмехается, когда наши взгляды пересекаются, и поднимает руку, показывая пакет с чем-то, прежде чем развернуться и направиться к входу в дом.

Развернувшись, выхожу в коридор и, облокотившись на дверной косяк, ожидаю, когда откроется дверь.

— Я там минут пятнадцать стоял, — фыркает, но в словах не слышно упрёка, только веселье. — Кто тебя так нагрузил?

— Тренировки, — забираю пакет поменьше и медленно иду в сторону кухни, заглядывая внутрь. Закуски, несколько банок алкоголя. — Не слишком ли часто вы так?

— Астал... Ты умеешь расслабляться? — он на пару минут забегает в комнату, чтобы закинуть одежду, и заходит на кухню, где я уже раскладываю покупки. — Я не видел, чтобы ты отдыхала ни в лагере, ни тут. Постоянно в книгах, в сети, в тренировках, в размышлениях... Потому у тебя ничего и не получается.

— Думаете? — останавливаюсь, рассматриваю мороженое... Поднимаю взгляд на мужчину, который скрывается за дверью ванной. — Я ничего такого не чувствую.

— Уверен! — доносится из ванной, и через минуту он выходит в каких-то шортах, без верха... — Держи! — в руки попадает пакет с содержимым. — Должно быть, твой размер, — раскрываю пакет и достаю... — Купальник! Надевай и выходи.

Я несколько секунд смотрю на пакет, прежде чем достать содержимое. Раздельный купальник... Моего размера. Он... По телу проходит странная дрожь, и на щеках появляется румянец. Этот человек... Он действительно зашёл в магазин и купил мне это?

В комнату заходил, наверное... И вещи наши во дворе сушатся вместе. И к моей информации он тоже имеет доступ, так что ничего необычного в том, что он смог узнать размеры. Но всё равно получать подобное... в подарок? Стоит возместить покупку. Ценника нет.

— Вам не следовало покупать что-то подобное, — выхожу, оставив купальник на столе и притащив закуски. Он окидывает меня взглядом, в котором мелькает досада. Для него было важно, чтобы я надела его.

— Не умеешь плавать? — я присаживаюсь на шезлонг и тяжело вздыхаю... Эти его ребяческие подначки. — Стесняешься?

Щёки обдаёт жаром, но я стараюсь не подавать виду, что его слова меня смутили. Этот человек не знает слова «стыд»? Или его уже настолько ничего не беспокоит, что он так легко разбрасывается подобными словами? Хотя... Он же видел меня без одежды... Даже мыл.

— Подобные покупки... Неуместны, — прикрываю глаза и откидываюсь на спинку шезлонга, подхватывая пачку острых чипсов.

— Неуместны? — звук открывшейся банки пива. Шуршание пакета...

— Вы вообще любите делать очень много неуместных вещей, — отправляю в рот несколько чипсов, наслаждаясь остротой специй на языке. — Например... После плена, когда я не могла двигаться из-за боли, — он делает несколько глотков, а я внутренне напрягаюсь, потому что этот разговор обретает несколько иные краски.

— Когда я тебя мыл? — уточняет, и я нарочито спокойно продолжаю грызть свои кругляшки. — Хах... Ты тогда так мило реагировала.

— Мило? — свожу брови к переносице, запоздало понимая, что для него всё это было развлечением? Из-за этого внутри что-то надрывается. Разочарование? Грусть? На что я рассчитывала? — Хах... — развернувшись на шезлонге, поднимаюсь, отряхиваюсь от крошек, подхватываю пустой пакет от чипсов и отправляюсь в дом. Неприятно... Ощущение, словно мной воспользовались...

— Астал? — за спиной шуршание и движение. Встал и пытается нагнать...

— Оставайтесь там, где сидели, — не хватало, чтобы он пошёл за мной разбираться в моём состоянии.

— Кх... — за спиной разносится какой-то шум... Повернув голову, я в удивлении смотрю на своеобразную баррикаду из нескольких шезлонгов, что преграждают командиру путь. — Неожиданно...

***

Я запускаю пальцы в волосы и недовольно гипнотизирую стоящие у бассейна шезлонги, которые вчера стали живой преградой для Командира. Я никогда не думала, что смогу научиться психокинезу — этому дару, который, как мне казалось, предназначен для избранных.

И вот он у меня есть, но появился в тот момент, когда мне нужно было нечто большее, чем просто контроль над предметами. Я хочу понять, как использовать свою силу, чтобы не только управлять окружающим миром, но и, возможно, управлять судьбой.

Глубокий вдох — и выдох. Взгляд останавливается на кружке. Допив кофе в пару глотков, я отставляю её в сторону и пытаюсь представить, как она приближается ко мне. Я концентрируюсь, ощущая прилив энергии, но... Судя по всему, одной мысли недостаточно.

Что-то внутри щёлкает. Намерение... Какое у меня может быть намерение по отношению к этой чашке, если я уже выпила кофе? Оно должно быть сильным, ясным, но это нечто, что сложно выразить словами. Я давно поняла, что сила психокинетики требует ТЕЛЕСНОГО ПРИСУТСТВИЯ — ментальной физической связи с источником.

Я медленно вытягиваю руки, рассматривая контуры кружки. Помню, как в детстве меня учили концентрироваться на дыхании, создавая что-то вроде «плотины» между мыслями и реальностью. Но теперь всё по-другому — я уже не тот ребёнок, который ждёт, когда конфета сама упадёт ему в руку.

Собрав волю в кулак, я представляю, как кружка поднимается плавно и, как ни странно, с желанием. Оно должно быть не просто физическим, но переплетённым с моей сущностью, чтобы убедить её в том, что она должна подчиниться. Мой внутренний голос подсказывает: «Сделай это!»

И вдруг — крошечное движение. Кружка сдвинулась на сантиметр. Сердце колотится, глаза горят, и я смеюсь, не веря своим способностям. Может, я не ошиблась. Да, я могу это сделать. Ощущение полёта. Ощущение силы. Я хочу большего.

Но это ещё не всё. Где-то внутри меня сидит невидимая преграда, мешающая достичь большего. Вера в собственные способности — вот что нужно. Я воодушевлена и с волнением думаю о том, что мои чувства к Командиру преходящи. Если я смогу взять ситуацию в свои руки и преодолеть свои страхи, может быть, и он откроется мне по-другому.

2491—2492гг (26—27 лет)

Асталисия Астал

Я прислоняю голову к окну автомобиля, чувствуя, как ветер нежно развеивает мои волосы. Я закрываю глаза, решая насладиться этим мимолётным чувством спокойствия и умиротворения. Но эти чувства быстро сменяются волнением и тревогой... Возвращение домой — слово, которое долгое время звучало как несбыточная мечта, и теперь, когда оно становится реальностью, моё сердце бьётся быстрее.

Я не была здесь с тех пор, как мне было десять лет, когда всё пошло наперекосяк. Воспоминания о прежнем времени всплывают в моей голове. Смешанные картины счастья и печали, радости и слёз. Я помню закат, когда мы играли в саду, и звуки старых песен, которые мама пела мне на ночь. Я помню её улыбку, её строгий, но добрый взгляд, который поддерживал нас, когда вокруг бушевала буря. Но потом жизнь перевернулась, и наш дом стал лишь молчаливым свидетелем наших утрат.

Самуи сидит сзади. Он не так восторжен, как его сестра, но в его глазах неподдельный интерес. Я часто забываю, что этот дом будет для него новым. Я представляю, сколько вопросов он задаст мне, когда мы сядем за кухонный стол и будем пить чай. За все эти годы мы ни разу не говорили о нашей семье. Тишина не была источником утешения, это была пропасть незнания.

Машина останавливается у знакомого дома с аккуратно подстриженной лужайкой. Некоторых деревьев нет. Появились клумбы. За небольшим заборчиком видна какая-то возня. Мы выходим наружу, и воздух окутывает знакомой прохладой. Он проникает в лёгкие, как глоток свежего воздуха после долгого плавания на поверхности.

— А... — хлопки дверцы машины отвлекают женщину от работы. Я не знаю, чего ожидать. Если это она, кто-то из нашего прошлого, какое у неё будет выражение лица? Как она воспримет моё возвращение? — О, Боже... — она замирает на месте. Осматривает нас. Меня. — Асталисия... — спешно стягивает перчатки с рук, отбрасывая их в сторону на ходу, не заботясь о том, что с ними будет дальше. — О, Боже... Моя девочка.

Сердце замирает. Я чувствую, как она приближается, и в этот момент на меня обрушивается вся тяжесть разлуки, испытаний и страха, с которыми мне пришлось столкнуться.

— «Я вернулась», — уголки моих губ дёргаются, но вместо смеха вырывается всхлип. Сумка с вещами и документами падает к ногам. — Я дома.

Она крепко обнимает меня, и я не сдерживаюсь, вдыхая родной аромат, который так долго искала, но не могла найти. Это запах тепла, безопасности и дома. Как же давно я его не чувствовала.

— Божечки... Сколько же времени прошло, — отстраняется, хлопает по плечам, гладит по рукам. Её руки словно согревают меня, возвращая в тот мир, где всё было понятно и безопасно. Она берёт моё лицо в ладони, словно проверяя, что я не призрак. — Как же ты выросла.

Слова застревают в горле, и я не знаю, что сказать. Это радость от того, что она меня помнит, и печаль от того, что всё это время я была далеко.

— Это... Анисия и Самуи, — представляю я их, подталкивая растерявшуюся пару к женщине. Они чувствуют себя неловко, переминаются с ноги на ногу, и в этот момент мне становится стыдно за тишину, повисшую между нами.

— Добро пожаловать домой, — машет рукой и обнимает их, осматривает. — Так чего же мы стоим? Заходите! Наверняка проголодались. Я тут приготовила поесть...

Она словно вырвала нас из нашего молчаливого заточения. Я чувствую, как моё сердце начинает биться в унисон с новыми возможностями. Мы заходим в дом, и запах готовящейся

еды окутывает нас, как мягкий плед. Я знаю, что впереди много вопросов, много боли, много недосказанного, но в этот момент я хочу быть здесь, в тепле, в родном доме, и испытывать это чудесное чувство — принадлежности.

***

Напряжённый день. На носу проверка. Нужна вся документация в упорядоченном виде... Чтобы все бумажки лежали листочек к листочку, по датам, по степени важности. Тот ещё геморрой, который все радостно скинули на меня только потому, что я владею телекинезом. Поэтому я, как заведённая и злая, как собака, бегаю из кабинета в кабинет, пытаюсь вытрясти каждый документ вместе с душой всех нерадивых сотрудников.

— Астал! — раздаётся на весь коридор, отчего все застывают на своих местах, кто-то роняет бумаги. Я тоже замираю, прежде чем посмотреть на грозного Петра Геннадиевича, сверлящего меня пытливым взглядом. Что случилось? — Подойди!

— Что-нибудь нужно? — быстро перебираю в голове все спорные моменты, приближаясь к мужчине, на лице которого гуляет плутовская улыбка. Это вносит ещё большую сумятицу в понимание происходящего.

— Завтра к двенадцати возле кафе «Вишнёвое кофе», — по привычке склоняю голову к плечу, пытаюсь осмыслить смысл его слов, но он доходит как-то совсем уж с трудом. Зачем? Почему? Там будет захват какой-то цели? Не стоит ли взять с собой оружие? — И не опаздывай!

Я прихожу в себя от столь ошеломляющего приглашения только после того, как на моё плечо опускается чужая рука. Один из офицеров с усмешкой на лице машет перед глазами стопкой бумаг, намекая на количество работы, которая не собирается уменьшаться.

Хлопнув по наглой руке, разворачиваюсь в сторону своего кабинета и, только закрыв дверь, могу немного расслабиться. Щёлкаю чайник. Присаживаюсь на стул, прикрывая глаза... Тяну руку к выдвигному ящику и достаю оттуда таблетки от головы. В последнее время только ими и спасаюсь. Загрузили.

Открыв графин, наливаю на пару глотков и выпиваю лекарство. Пальцы касаются висков, начиная мягко массировать, но это лишь создаёт иллюзию отвлечения, нежели реально помогает, но это лучше, чем ничего. К тому же мысли медленно переходят на неожиданное предложение командира.

Давненько мы не собирались, после того как вернулись домой... Некогда было. Сначала были заняты обустройством и косметическим ремонтом. Надо было заменить мебель в некоторых комнатах, чтобы мы могли жить...

Всё же моя детская комната... Кровать... Учебники. Тетради. Игрушки. Всё это совсем не подходило для проживания. Вторая комната была лучше, но довольно безлика. Родительская, наоборот, переполнена их вещами, которые никто не собирался использовать.

А ещё надо было подать документы на обучение Анисии и Самуи... Всё же в военном городке и в Городе разная система обучения. Тут с образованием проще. Больше вариантов, куда потом поступать. Опять-таки одежду закупили.

А я... Мне надо было определиться с профессией, но в голову ничего не приходило. Обучать не хотелось. Быть куратором тоже. Заниматься торговлей не тянуло. Творчеством я не занималась. Да и вообще... Надоело это.

Командир в свой уголовный отдел взять не захотел. Ещё и других подговорил, старый лис... В связи с чем я теперь бегаю по отделам и собираю чёртовы бумажки. В общем, работа «на подхвате». Это муторно... Учитывая, что со всеми надо контактировать и находить точки давления... А это тот ещё геморрой. А может, стоило стать куратором?

***

Зряд хорошего настроения, тёплый душ, горячий кофе, лёгкий завтрак. Что ещё нужно для прекрасного выходного утра, заряжающего весельем на целый день? Давно у меня такого уже не было.

Прогноз обещает ясный денёк, и на небе только белые облака проплывают, не намекая на дождь. К тому же Пётр Геннадьевич предложил встретиться за чашечкой кофе ближе к полудню в кафе «Вишнёвое кофе». Выловил вчера посреди рабочего дня. Поэтому я то и дело поглядываю на часы, беспокоясь лишь о том, чтобы не пропустить нужное положение стрелок.

Сестра все уши прожужжала, что мне личную жизнь устраивать надо, парня найти. Вот только кого именно? Подтрунивает ещё, чтобы немного расшевелить. Мол, даже у неё есть кто-то, кто ей нравится. Словно я не вижу, на кого она смотрит. Может, я и не сильна в этом, но отнюдь не глупа.

А вот и кафе! Красивая витиеватая вывеска заметна ещё на другой стороне улицы. Даже не пришлось долго с навигатором возиться. Так что откладываю телефон в сумку, подходя ближе. Какое панорамное окно! Останавливаюсь перед стеклом и осматриваю внешний вид.

По сравнению с привычным военным стилем, на мне лёгкий сарафан, кофта, скрывающая руки, капроновые колготки телесного цвета и босоножки на ровной подошве. Под юбкой скрыты ножи, которые я всегда ношу. Чуть отросшие волосы распущены, но они никак не мешают. На плече сумка, внутри кошелек с деньгами и документы.

Это так глупо! Смутившись и передёрнув плечами, приподнимаю уголки губ самой себе и, собрав волю в кулак, открываю дверь. Тут спокойно. Играет приятная мелодия, которая погружает в относительный миролюбивый транс. Стоит ненавязчивый запах выпечки и чего-то сладкого, который оседает на языке.

Вздыхнув полной грудью, смакую запах, после чего открываю глаза и смотрю на Петра, который выглядит... непривычно. Джинсовые штаны, фиолетовая рубашка. Волосы, тронутые сединой, но ещё не полностью покрытые ею, собраны в хвост.

— Здравствуйте, — приветствует Пётр Геннадьевич, смотря мне прямо в глаза. — С днём рождения. — Я открываю сумочку и залезаю в телефон, чтобы уточнить дату... 15 августа. — Ты забыла, — констатирует факт, доставая из-под стола какую-то коробку с бантом. — Не смог пройти мимо. — Осторожно беру коробочку и тут же решаю распаковать её.

На бархатной подкладке лежат перчатки из дорогой кожи! Мои уже давно износились, и я их уже выкинула. Из-за холодного оружия мозоли на руках. Перчатки способны немного улучшить ситуацию. Настасья мне все уши прожужжала о том, что женские руки должны быть нежными, а у меня наждачная бумага.

— Спасибо! — обнимаю в порыве эмоций. Через пару секунд меня обнимают в ответ. Но до чего неловко это получилось... — Кстати, вы знаете, сколько мне лет, а вот я не знаю, сколько вам. А ведь столько лет знакомы.

— Сто двадцать три, — говорит будничным тоном и старается смотреть куда угодно, только не в мою сторону. Он стесняется своего возраста? Или что это? — Что ж, давай выпьем кофе? — Передо мной отодвигается стул, и ближе кладётся карта с наименованием позиций.

— Тогда кофе с ликёром. И шоколадное пирожное, — мужчина коротко кивает, поднимает руку, обозначая, что мы готовы сделать заказ.

— Красивая, — я растерянно хлопаю глазами, не ожидая комплимента. Осматриваю себя. Вспоминаю отражение в зеркальной поверхности и приподнимаю уголки губ, принимая это как факт.

— Сестра выбирала, — всё же я не умею выбирать платья, и вообще стилистика не моё. А ей было приятно. — Очень вкусно.

Эта приятная музыка в кафе. Аромат зёрен и сиропа. Перекатывающийся вкус на языке, смешивающийся с выпечкой и соединяющийся во что-то новое. Приятно. Хочется повторить ещё. А ещё я замечаю, как в нашу сторону смотрят некоторые посетители, заинтересованные нашей необычной компанией. Это слегка смущает.

— Говорят... — чашка двойного эспрессо становится на блюдечко с тихим клацаньем. — В старой части города красивее. Зелень делает своё, привлекая глаз своим разнообразием, — я чуть склоняю голову к плечу, пытаюсь вспомнить расположение этого «парка». А ведь он в паре кварталов от этого места. — Тебе же такое нравится, — это немного обескураживает. Он помнит о моём дне рождения. И такие вот мелочи. Необычно.

— Да, — расплываюсь в робкой улыбке, подхватывая чашку двумя руками и наслаждаясь прекрасным видом из окна.

Похоже на свидание. Взгляд коротко скользит по Петру и тут же уходит в сторону. Неловко. Такие странные мысли. Мы ведь... Совсем не похожи на романтическую парочку. Скорее уж племянница и дядя. Нет. У нас же нет отношений.

Только не снова...

Однако... С командиром легко. Может, потому что он видел меня разной? Для него я ребёнок — большой, многое переживший, но всё-таки ребёнок, которому просто не хватает теплоты и заботы. Да, сильного плеча под боком.

Раньше это вызывало во мне протест. Словно надеялась на что-то большее. Но... Это его отношение. То, как он всегда оказывается рядом, подолгу стоит молча, не говоря ни слова упрёка, ни одобрения. Зачем? Я и так всё понимаю и ценю.

Разрушать эту уютную идиллию между нами глупыми идеями об отношениях не хочется. То, что есть между нами... Этого достаточно. Между нами пропасть... И я определённо не тот человек, который хочет вступать в неизвестную борьбу за сердце человека, который, имея все шансы и возможности, ничего не сделал.

Я не страдала... Но это тяготило. В какой-то из дней во время медитации... Я просто перерезала нити чувств... И меня отпустило. Один раз... Второй. И так, пока это не стало чем-то лёгким и невидимым. Спокойным и щемяще-нежным.

— Не хочешь прокатиться? — предлагает командир и тянет на карусель, что ближе всего. И мы идём на этот чёртов паровоз, который называется американской горкой. — Прошу, маленькая леди, — предлагает, галантно подавая руку, чтобы я смогла без проблем взойти в это орудие смерти.

— Вы так любезны, милорд! — произношу, сделав шуточный книксен, сверкая глазами из-под чёлки. На нас смотрят, как на глупцов, кто-то из детей показывает пальцем, а мы спокойно садимся в вагонетку. Через пару минут мы поехали. — Уху! Ха-ха-ха!

Вечер приближается стремительно и неуловимо. Сладкая вата. Конкурсы, в которых мы выигрываем без шанса на проигрыш. Народ вокруг нас собирается моментально, ставя на то, кто в этот раз победит, а мы ведём с переменным успехом, вырывая победу друг у друга. Всё же командир опытней.

Посмертие

7—10 июня 2103 г

Вириам Маркором

Этот день не сулит ничего хорошего.

Погода разыгралась не на шутку, пугая всех яркими молниями и слишком сильным ветром. Он словно пытается проверить дом на прочность. Стены стонут, дерево скрипит, и каждый порыв ветра — это не просто движение воздуха, а целенаправленный, злой удар. Он то завывает, проникая во все щели и пробирая до костей, то пытается сорвать дверь с петель, сотрясая весь фасад.

Этот звук раздражает. Нет, не просто раздражает — он заставляет ёжиться от лютого холода, пробирающегося даже сквозь толстый шерстяной свитер, и судорожно наводить специальный вонючий состав для замазки, прислушиваясь к каждому намёку на щель. Мы на Переходной территории. У нас может случиться всякое, но этот холод... он неправильный.

А ведь до сезонных холодов ещё очень далеко, если судить по календарю. Начало июня. В это время года здесь обычно сухо и тепло, даже жарко. Солнце должно припекать, а не прятаться за пеленой этой неестественной свинцовой тьмы. Или наоборот... Может, и к лучшему, что всё так? Может быть, эта внезапная буря — лишь предупреждение, дающее нам время подготовиться? Лучше сейчас, когда у нас есть запасы и силы, чем в разгар настоящей зимы.

Мда.

Оторвавшись от окна, за которым простирается крошечная тьма, такая плотная и чёрная, как в разгар зимы, я обвожу взглядом дом. Дел хватает. Мои руки дрожат не столько от холода, сколько от необходимости отвлечься. Чтобы лишний раз не беспокоиться, Рария составила целый список того, что нужно починить: дверь скрипит, ручку на дверце шкафа нужно прикрутить, стул шатается.

Мелкие бытовые задачи, не имеющие никакого отношения к шуму за окном. А сама она в это время судорожно перебирает вещи в чулане... Что починить, что выбросить за ненадобностью. Привычная суета, которой мы оба пытаемся заглушить растущее предчувствие беды.

Правда, вся эта суета не помогает избавиться от мыслей.

Давно такого не случалось. Чтобы вот так... До крошечной, физически ощутимой тьмы. Эта чернильная мгла — не просто отсутствие света; она кажется тяжёлой и липкой, как дёготь.

Конечно, случались погодные аномалии. Но такая концентрация энергии, такое давление... С тех пор как умер последний изгнанный маг в Донице и его сила рассеялась, подобное прекратилось. Тогда всплески были обычным делом. Они проводили эксперименты, предупреждали соседние поселения, и мы знали, чего ждать. Но о новом маге никто даже не заикался... Значит, дело в чём-то другом.

Природное магическое возмущение? Это плохо. Мы находимся в Юнксу, на самой границе, где законы магии всегда были зыбкими. Если стихия вышла из-под контроля, как долго это будет продолжаться? Какой ущерб будет нанесён? Это в корне отличается от тех случаев, когда к нам присылают природных магов в особо засушливые периоды. Те приходят, призывают дождь и уходят. А эта буря не уходит. Она нарастает. Она давит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.